
Врач в аду
Сварх
(Верхний Хват)
Главная больница
Лаборатории переработки страдания
Канцелярия кармы
Отдел распределения мучений
Столовая (горячее, едкое, утешительное)
Главная больница Сварха
Истории болезней (адские)
Верхний Хват
Сварх
Главная больница
Дело № 666/Б
Причина страдания: быт, люди, работа
Статус: в переработку
Дария Барш

Дария Барш
Врач в аду

https://litres.ru/74999537
SelfPub; 2026

Аннотация

Елена Михайловна Тополева — врач обычной городской поликлиники. Пациенты, отчёты, проверки, бесконечные требования начальства. Казалось бы, хуже уже некуда. Но однажды после медицинского конгресса ей предлагают новую работу. В аду.

Впрочем, ад оказывается вполне цивилизованным местом. Здесь есть больницы, транспорт, праздники, трудовые договоры и чиновники. Последние, пожалуй, страшнее демонов.

Теперь Тополевой предстоит лечить существ с невероятной анатомией, осваивать местную медицину и расследовать загадочную болезнь, за которой скрывается весьма неприятная тайна.

И пока адские ведомства выясняют, кто за что отвечает, земному врачу приходится напоминать им, что пациент остаётся пациентом, даже если по документам числится оборудованием.

Сатирическое медицинское фэнтези с детективной интригой и неожиданно человечной историей.

Ведь иногда даже в аду врачу работать легче, чем на Земле.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ · ПО НАЗНАЧЕНИЮ 4
Глава первая. За счёт принимающей стороны 4
Глава вторая. Оформление по прибытии 30
Глава третья. Неизвестная специальность 68
Глава четвёртая. Три сердца, две печени 89
Глава пятая. Особенности национального врачевания 108
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Дария Барш
Врач в аду

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ · ПО НАЗНАЧЕНИЮ

Глава первая. За счёт принимающей стороны

В половине седьмого утра Тополева Елена Михайловна стояла перед открытым шкафом и пыталась решить, насколько прилично будет выглядеть на научном конгрессе в брюках, на которых чуть ниже колена оставалось пятно от чернил.

Пятно было маленьким, размером с ноготь мизинца, и появилось ещё летом. Тогда в поликлинике на неделю отказал принтер, и направления приходилось заполнять от руки. Один из пациентов принёс результаты обследований вместе с собственной ручкой: уверял, что больничными ничего толком не напишешь. Чернила из неё потекли, едва Тополева сняла колпачок.

Бланк удалось переписать.

Пациент остался доволен. Брюки — нет.

Елена Михайловна провела по пятну ногтем, убедилась, что за прошедшие четыре месяца оно не исчезло, и повесила брюки обратно.

Конгресс был мероприятием официальным. Предполагалось присутствие представителей департамента здравоохранения, руководителей крупных медицинских организаций и, согласно программе, нескольких членов Российской академии наук. В такой компании хотелось хотя бы внешне соответствовать представлениям о современном враче.

Она достала тёмно-синий брючный костюм, купленный три года назад на свадьбу племянницы.

Костюм был хорошим, хотя после покупки Елена Михайловна заметно прибавила в талии. Это обнаружилось, когда она попыталась застегнуть пиджак.

Тополева втянула живот.

Пуговица застегнулась.

Она выдохнула.

Пуговица натянулась так, что Елена Михайловна предпочла не испытывать судьбу. Пиджак можно было носить расстёгнутым.

В прихожей зазвонил телефон.

На экране высветилось: «Ирина Сергеевна зав. отд.».

Шесть тридцать семь.

Она знала, что звонок не сулит ничего хорошего. Ирина Сергеевна никогда не звонила сотрудникам до начала рабо-

чего дня, чтобы поздравить их с хорошей погодой или поинтересоваться здоровьем родственников.

— Да, Ирина Сергеевна.

— Леночка, доброе утро! Не разбудила?

— Нет.

— Замечательно. Я буквально на минуточку.

Тополева закрыла глаза.

Слова «на минуточку» в исполнении заведующей обычно означали, что кому-то предстоит испортить себе ближайшие полчаса.

— Вы сегодня на конференцию едете?

— На конгресс.

— Ну да, на конгресс. Я тут подумала, вы ведь всё равно там будете. Не могли бы вы подойти к организаторам и узнать насчёт наших сертификатов?

— Каких сертификатов?

— По прошлогоднему обучению.

— Я на нём не была.

— Так я знаю, что не были. Но там должны быть представители образовательного центра. Вы у них спросите.

— Хорошо.

— Я вам всё пришлю. И ещё, Леночка, вы же помните, что в пятницу у нас внутренний аудит?

Она помнила.

В поликлинике уже две недели готовились к внутреннему аудиту, который должен был проверить готовность учрежде-

ния к внешнему аудиту, назначенному на следующий месяц. Накануне аудиторы прислали перечень документов, подтверждающих проведение мероприятий по устранению замечаний предыдущего аудита. Замечания касались преимущественно неправильного оформления документов о проведении других проверок.

— Помню.

— Надо будет до пятницы закрыть все карты за октябрь.

— Они закрыты.

— Не все.

— Какие именно?

— Я вам тоже пришлю.

Из кухни донёсся металлический звон.

Кот уронил ложку.

— Ирина Сергеевна, мне пора выходить.

— Да-да, конечно. Хорошей конференции! Отдохните там как следует.

Елена Михайловна посмотрела на погасший экран.

Слово «отдохните» прозвучало особенно неприятно.

Она работала участковым терапевтом двадцать лет, если не считать нескольких лет в частной клинике. В государственную медицину вернулась по причинам, которые сама себе до конца объяснить не могла.

Деньги были хуже, график тяжелее, но, по крайней мере, здесь никто не требовал продавать пациентам обследования, необходимость которых она считала сомнительной.

Впрочем, за прошедшие годы государственная поликлиника тоже приобрела собственные представления об эффективности. Только товаром в ней чаще становилось не обследование, а время.

На участок приходилось около двух тысяч взрослых. Фактически больше: население постоянно менялось, дома заселялись, некоторые пациенты переезжали, не открепляясь, другие прикреплялись, продолжая жить неизвестно где.

Рабочий день начинался в восемь, но Елена Михайловна обычно появлялась раньше, чтобы разобраться с анализами и сообщениями, накопившимися за предыдущий вечер. Заканчивался он тогда, когда удавалось закончить.

Четыре года назад дочь спросила, зачем она вообще продолжает там работать.

Елена Михайловна ответила:

— Потому что умею.

Тогда ответ казался исчерпывающим.

Теперь — уже не всегда.

Кот сидел на кухонном столе возле пустой миски.

Это был крупный, бесцеремонный зверь серого цвета, подобранный шесть лет назад возле подъезда. По документам его звали Маркиз, но дома он был просто Толстый.

Ветеринар записал имя в паспорт со слов Елены Михайловны, которая в тот день ещё надеялась, что кот окажется существом благородным и воспитанным.

Толстый не оправдал ни одного ожидания.

Увидев хозяйку, он спрыгнул со стола и немедленно начал кричать.

— Ты ел, — сказала ему Тополева.

Кот кричал.

— В пять утра ты ел. Я сама тебе положила.

Толстый пошёл к холодильнику.

Елена Михайловна насыпала ему немного сухого корма. Не потому, что поддалась на требования, а потому, что собиралась провести на конгрессе весь день и вернуться поздно.

Дочь училась и уже вполне самостоятельно распоряжалась своей жизнью, хотя временами Елене Михайловне казалось, что двадцать лет материнских усилий оказались бессильны перед привычкой оставлять кружки на подоконнике.

Сегодня дочь обещала вечером заглянуть домой и покормить кота.

Впрочем, Толстый, разумеется, предпочёл бы две порции от обеих.

Тополева выпила чай стоя, проверила содержимое сумки и вспомнила, что не положила зарядное устройство.

Телефон, кошелёк, паспорт, ключи, очки для чтения, бумажные салфетки, две ручки, маленькая шоколадка и бутылка воды — всё лежало на месте.

Не хватало зарядки.

Она вернулась в спальню, нашла провод за тумбочкой и заодно подняла с пола один носок.

В зеркале прихожей отражалась женщина среднего роста,

с тёмными волосами, собранными на затылке в небрежный узел. У корней уже заметно проступала седина.

Покраситься она собиралась перед конгрессом, но в воскресенье пришлось ехать к матери, в понедельник задержалась на работе, а во вторник обнаружила, что краска закончилась.

Она выключила свет, погладила кота, который уже делал вид, что никакого отношения к ней не имеет, и вышла из квартиры.

Ноябрьская Москва встретила её мелкой моросью и ветром, который норовил забраться под воротник пальто.

Во дворе рабочие меняли бордюр.

Старый бордюр, установленный прошлой осенью, лежал аккуратными штабелями возле мусорной площадки. Новый доставили накануне и сложили прямо на пешеходной дорожке, отчего жильцам приходилось обходить его по грязному газону.

Тополева остановилась, оценивая возможность пройти между бетонными блоками, но решила не рисковать.

На остановке было людно. Под навесом теснились школьники, пенсионеры и несколько мужчин с одинаковыми чёрными рюкзаками.

Мимо прошла женщина с собакой в розовом комбинезоне. Собака дрожала, хотя выглядела одетой значительно теплее хозяйки.

Елена Михайловна поймала себя на том, что рассматри-

вает руки стоявшего рядом мужчины.

Пальцы были припухшими, суставы увеличенными, кожа над ними блестела. Мужчина держал телефон обеими руками и с трудом нажимал на экран большим пальцем.

Она отвернулась.

В последнее время собственная профессиональная наблюдательность стала её раздражать.

В метро она замечала отёки, в магазинах — одышку, на улице — нарушения походки. Это происходило само собой, как у музыканта, который слышит фальшивую ноту даже в дешёвой рекламе.

Когда-то подобные наблюдения доставляли ей удовольствие.

Теперь чаще вызывали желание перестать смотреть на людей.

В вагоне метро было душно. Над дверями мигала схема линии, сообщая, что поезд находится между двумя станциями одновременно.

Молодая женщина напротив разговаривала по телефону:

— Я им говорю, у ребёнка третий день температура! А они мне — наблюдайте! Ну я и наблюдаю! Он же болеет!

Тополева закрыла глаза.

Наталья Павловна работала рядом столько лет, что могла по одному звуку закрывающейся двери определить, пришёл пациент с температурой, проверяющий или человек, которому требовалась справка о том, что он не болен. В конце тя-

жёлой смены она обычно говорила: «Ну что, живых сегодня больше?» — и наливала чай из термоса, потому что электрический чайник в ординаторской считался нарушением противопожарного режима. Тополева ответила бы ей сегодня, что живых пока хватает. Она ещё не знала, насколько относительным окажется это слово.

Накануне Наталья Павловна из соседнего кабинета сунула ей в карман сложенный вчетверо листок. На листке были записаны вопросы к докладу о новой системе терапевтического приёма и приписка: «Если там объяснят, как принять плохо слышащую 90-летнюю еле ходячую бабулю за 15 минут, запиши дословно». Тополева тогда засмеялась и пообещала привезти ответ. Бумажка до сих пор лежала во внутреннем кармане сумки. Она не выбросила её: обещания коллегам почему-то казались обязательнее очередных распоряжений администрации.

В кармане завибрировал телефон.

Пришло сообщение от заведующей. Во вложении находился документ на восемнадцать страниц.

Он назывался «Сведения о реализации комплекса мероприятий по совершенствованию системы управления качеством».

Следом пришло ещё одно сообщение:

Леночка, посмотрите, пожалуйста, до вечера. Там ваши показатели.

Елена Михайловна заблокировала экран.

Научный конгресс обещал быть насыщенным.

Гостиница располагалась в центре Москвы, на широкой улице, застроенной домами начала прошлого века.

Само здание было новым, с огромными зеркальными окнами и тяжёлыми стеклянными дверями. У крыльца стояли автомобили с водителями. Мужчины в тёмных пальто выходили из машин, поправляли шарфы и направлялись к входу.

В холле было тепло и пахло кофе, дорогим парфюмом и полиролью для мебели.

По светлому мраморному полу тянулись тёмные прожилки. На стенах висели большие абстрактные картины, изображавшие то ли городские пейзажи, то ли результаты неудачно выполненной ангиографии.

В центре холла стояла композиция из белых цветов, настолько идеальных, что Елена Михайловна подошла ближе и потрогала один лепесток.

Цветы оказались живыми.

Слева от центральной лестницы висел огромный баннер:

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА И ДОСТУПНОСТИ ПЕРВИЧНОЙ МЕДИКО-САНИТАРНОЙ ПОМОЩИ

Под названием были размещены логотипы организаторов, спонсоров и нескольких учреждений, о существовании которых Елена Михайловна прежде не подозревала.

На баннере улыбались трое врачей. Все трое смотрели прямо на зрителя с таким выражением, словно только что

получили известие о существенном повышении заработной платы. Сразу видно, представленные люди ни разу не были в городской поликлинике, иначе бы так не улыбались.

Возле регистрационной стойки уже стояла очередь.

В центре небольшого скопления людей пожилой мужчина в очках доказывал сотруднице организаторов, что его фамилия должна находиться в списке почётных гостей.

— Я профессор Трофимов, — повторял он. — Профессор! Вы понимаете разницу?

Девушка понимала разницу, но фамилии мужчины в нужном списке не находила.

Елена Михайловна встала в конец очереди.

Перед ней две женщины обсуждали новую систему оценки эффективности врачей.

— И всё автоматически, — рассказывала одна.

— Прямо всё?

— Ну, почти. Раньше мы хотя бы не знали, кто не выполняет план, а теперь сразу видно.

— А почему не выполняют?

— Это уже другой вопрос.

Справа кто-то громко поздоровался.

— Ленка! Тополева!

Елена Михайловна обернулась.

К ней приближалась женщина в чёрном платье и коротком жакете. Светлые волосы были уложены крупными локонами. На шее висело массивное украшение, напоминавшее

несколько соединённых металлических колец.

Тополева узнала её не сразу.

— Полина?

— Ну наконец-то!

Полина Серова училась с ней на одном курсе.

После института они несколько лет поддерживали связь, потом встречи стали редкими, а последние лет пять ограничивались поздравлениями с днём рождения в мессенджере.

Полина работала в частной клинике, затем открыла собственный медицинский центр и теперь, судя по фотографиям в социальных сетях, большую часть времени проводила на конференциях и за границей.

Она обняла Тополеву.

— Господи, сколько лет! Ты вообще не меняешься!

Елена Михайловна знала, что изменилась. Полина тоже. Но подобные фразы давно стали обязательной частью встреч бывших однокурсников, и никто не воспринимал их буквально.

— А ты прекрасно выглядишь, — ответила она.

Полина действительно выглядела хорошо.

— Ты здесь выступаешь?

— Нет. Слушаю.

— А я завтра модерирую секцию по превентивной медицине. Представляешь, наконец-то пригласили.

— Поздравляю.

— Спасибо! Мы сейчас очень активно развиваем направ-

ление профилактики. Чекапы, программы долголетия, персонализированное сопровождение. Люди готовы платить за здоровье, Лен.

— Некоторые готовы.

— Ну, естественно. Но ведь это же будущее медицины. Не лечить болезнь, когда уже поздно, а работать заранее.

Елена Михайловна не возражала против профилактики. Более того, значительная часть её собственной работы состояла именно в ней.

Но за последние годы слово «превентивный» стало появляться в рекламе столь часто, что временами казалось, будто диспансерное наблюдение изобрели исключительно для состоятельных людей.

— А ты всё там же? — спросила Полина.

— Там же.

— Слушай, ну ты героиня. Я бы не смогла.

— Я иногда тоже.

Полина рассмеялась.

— Нет, серьёзно. Ты же отличный врач. Мы когда-то с тобой такие планы строили. Помнишь, хотели заниматься наукой?

Елена Михайловна помнила.

Им хотелось работать в большой клинике, участвовать в исследованиях, заниматься сложными диагностическими случаями. Полину всегда больше привлекала кардиология. Тополеву — внутренние болезни, особенно те ситуации, где

правильный диагноз требовал терпения, наблюдательности и умения сопоставлять, казалось бы, несвязанные симптомы.

Но потом заболел отец. Родилась дочь. Появились ипотека, развод, болезнь матери и необходимость иметь стабильную работу.

Каждый раз, когда открывалась возможность что-то изменить, находилась более срочная причина остаться на месте.

— Помню, — ответила она.

Полина слегка наклонилась ближе.

— Слушай, а ты не думала уйти из поликлиники? У нас сейчас расширение. Хорошие условия, нормальный график.

— А что за работа?

Полина оживилась.

— Амбулаторный приём, ведение пациентов по программам. Очень интересная аудитория. В основном обеспеченные люди, заинтересованные в собственном здоровье.

— То есть здоровые?

— Ну, не совсем. Есть, конечно, хронические заболевания. Но мы стараемся работать комплексно.

— Сколько пациентов в день?

— Обычно десять-двенадцать.

Это звучало почти неприлично.

В своей поликлинике Тополева принимала за день в среднем тридцать человек. Иногда больше. На одного пациента по нормативу отводилось пятнадцать минут, включая документацию.

— А зарплата?

Полина назвала сумму.

Елена Михайловна невольно переспросила.

— Это после вычета налогов?

— Да. Ну, при нормальной загрузке.

Сумма была почти втрое больше её нынешней зарплаты.

— И где подвох?

Полина замялась.

— Почему сразу подвох?

— Потому что я взрослая женщина, Полин.

— Ну… У нас есть определённые требования по сопровождению пациентов. Программы обследований, рекомендации по дополнительным услугам. Но ничего такого, ты же понимаешь.

Елена Михайловна понимала.

Она уже работала в клинике, где от врача требовали ежемесячный план по выручке. Тогда главный врач однажды сказал, что хороший доктор обязан не только лечить пациента, но и «правильно раскрывать его медицинский потенциал».

Тополева спросила, что именно подразумевается под потенциалом.

Оказалось — деньги.

— Спасибо, — сказала она. — Я подумаю.

Полина улыбнулась.

— Подумай. Серьёзно.

К концу первой половины дня Елена Михайловна успела прослушать несколько докладов, выпить две чашки кофе и убедиться, что научный конгресс в целом соответствует её ожиданиям.

Доклады были разными.

Одни действительно содержали интересные результаты. Другие представляли собой демонстрацию диаграмм, смысл которых оставался неясным даже после заключительного слайда.

Особенно запомнилось выступление о цифровизации первичного звена.

Докладчик с воодушевлением рассказывал, как новые электронные системы позволяют врачам значительно сократить время на оформление документов.

Елена Михайловна слушала внимательно.

За последние годы в её поликлинике внедрили несколько таких систем.

Каждая должна была сократить время на оформление документов.

В результате документов стало больше.

После обеда прошла дискуссия о профессиональном выгорании.

Участникам рекомендовали соблюдать баланс между работой и личной жизнью, находить время для отдыха, заниматься физической активностью и формировать позитивное отношение к повседневным обязанностям.

Тополева записала несколько полезных мыслей, хотя понимала, что зря. После приёма хочется добежать до дома, залезть под одеяло, чтобы никого не слышать и не видеть, какой тут позитив?

Затем получила сообщение от заведующей с просьбой срочно проверить показатели.

Она посмотрела на телефон.

Потом на экран, где очередной выступающий рассказывал о важности уважения к личному времени врача.

И выключила звук.

К вечеру Полина предложила остаться на банкет.

— Лена, ну ты куда? Мы сто лет не виделись.

— Мне домой надо.

— У тебя дочь уже взрослая.

— А кот нет.

— Кот переживёт.

— Вот он так не считает.

Полина рассмеялась.

— Посиди хотя бы час.

Елена Михайловна согласилась.

В конце концов, она действительно давно никуда не выбиралась.

Банкет проходил на третьем этаже, в просторном зале с панорамными окнами. За стеклом блестел мокрый вечерний город. Официанты бесшумно перемещались между столиками. В углу играл небольшой музыкальный ансамбль.

Елена Михайловна взяла бокал вина, хотя обычно предпочитала на подобных мероприятиях обходиться без алкоголя.

Полина рассказывала о клинике, новых проектах и каком-то медицинском форуме за границей.

Тополева слушала, иногда задавая вопросы.

Потом разговор незаметно перешёл на работу.

— Скажи честно, — спросила Полина, — тебе ещё нравится лечить?

Елена Михайловна задумалась.

— Да.

— Тогда почему ты такая несчастная?

— Потому что лечить и работать врачом у нас иногда совершенно разные занятия.

Полина посмотрела на неё внимательно.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Я люблю пациентов. Не всех, конечно. И не всегда. Но люблю разбираться в болезнях, искать причину, думать. Мне это интересно.

— А что не нравится?

Тополева усмехнулась.

— Всё, что мешает заниматься предыдущим.

Они рассмеялись.

— А если бы тебе предложили место, где можно только лечить? — спросила Полина.

— Я бы подумала, что меня обманывают.

— Почему?

— Потому что в такой организации обязательно найдётся человек, который решит, что врачу нужно ещё заполнять отчёты.

Полина подняла бокал.

— За медицину без отчётов.

— За фантастику, — поправила Тополева.

В половине одиннадцатого Елена Михайловна окончательно решила ехать домой.

Она попрощалась с Полиной, забрала сумку и направилась к лифтам.

Коридор третьего этажа был почти пуст.

Возле одного из окон стоял мужчина в тёмном костюме.

Она заметила его ещё во время банкета.

Он не участвовал в разговорах, не подходил к столам и, кажется, вообще никого не знал. Просто стоял чуть в стороне, наблюдая за гостями.

Когда Тополева приблизилась, мужчина улыбнулся.

— Елена Михайловна?

Она остановилась.

— Да?

— Простите за позднее обращение. Я хотел бы обсудить с вами возможное профессиональное предложение.

Елена Михайловна вздохнула.

— Мне уже сегодня предлагали работу.

— Полагаю, наше предложение несколько отличается.

— Чем?

— Возможностью заниматься исключительно медициной.

Она посмотрела на него внимательнее.

Мужчина был лет сорока пяти, среднего роста, с аккуратно зачёсанными волосами и безупречно сидящим костюмом.

Лицо обычное.

Разве что глаза казались слишком тёмными.

— И где же такая прекрасная организация? — спросила она.

— Достаточно далеко.

— Зарплата какая?

— Все ваши потребности будут обеспечены.

— Это не ответ.

— Проживание, питание, необходимое оборудование, помощники. Кроме того, вы получите привилегии, соответствующие положению главного врачевателя.

— Главного чего?

— Это местная терминология.

Она нахмурилась.

— А лицензия у вашей организации есть?

— Разумеется.

— На медицинскую деятельность?

— В полном объёме.

— Сайт?

Мужчина слегка замялся.

— Боюсь, в настоящее время это затруднительно.

Тополева вздохнула.

Всё было ясно.

Очередная сомнительная организация, обещающая золотые горы и не способная ответить на элементарные вопросы.

— Спасибо, но я не заинтересована.

В этот момент лифт приехал.

Двери открылись.

Елена Михайловна шагнула внутрь.

Мужчина остался в коридоре.

— И всё-таки, — сказал он, — если бы у вас появилась возможность заниматься исключительно лечением больных, вы согласились бы?

Она обернулась.

— На что именно?

— На такую работу.

Тополева устало улыбнулась.

— Милый мой, я сейчас за возможность просто лечить больных душу готова продать.

Мужчина посмотрел на неё с выражением, которое она не смогла понять.

Словно чего-то ждал.

— В таком случае, — произнёс он негромко, — благодарю вас.

Двери лифта закрылись.

Елена Михайловна нажала кнопку первого этажа.

— Псих какой-то, — сказала она себе под нос.

Лифт тронулся.

В зеркальной стенке отражалась женщина в тёмно-синем костюме, с усталым лицом и сумкой через плечо.

Тополева поправила волосы.

На табло сменилась цифра.

Три.

Два.

Один.

Лифт не остановился.

Она подняла голову.

Цифра один погасла.

На её месте возник странный красный символ.

Кабина продолжала двигаться вниз.

Елена Михайловна нажала кнопку первого этажа ещё раз.

Ничего.

Затем кнопку вызова диспетчера.

В динамике раздался треск.

— Алло. У вас лифт застрял.

Ответа не было.

Потом в динамике послышалось дыхание.

И незнакомый голос, низкий и совершенно спокойный, произнёс:

— Согласие получено. Перемещение разрешено.

— Какое перемещение?

Свет мигнул.

Лифт дрогнул.

И поехал вниз быстрее.

Елена Михайловна ухватилась за поручень.

Сначала ей показалось, что кабина по какой-то причине отправилась на подземную парковку. Но секунды шли, а движение не прекращалось.

За стенами возник низкий протяжный гул.

Потом к нему добавился другой звук — будто где-то далеко работал огромный механизм, состоявший из тысяч тяжёлых металлических частей.

Воздух становился теплее.

Она достала телефон.

Сети не было.

Попытка вызвать экстренную службу не удалась.

Тополева нажала кнопку диспетчера.

— Алло! Вы меня слышите?

— Просьба сохранять спокойствие до завершения процедуры, — произнёс тот же голос.

— КАКОЙ ПРОЦЕДУРЫ?!

Ответа не последовало.

Она посмотрела на закрытые двери.

На мгновение ей показалось, что между створками проступает тонкая красная полоска света.

Затем исчезла.

Кабина остановилась.

Раздался совершенно обычный мелодичный сигнал прибытия на этаж.

Двери разъехались.

За ними находился огромный зал, уходивший вдаль между рядами чёрных колонн. Высоко под сводами двигались тяжёлые металлические конструкции. Где-то за стеной шумела вода.

Или не вода, звук был слишком глубоким, с низкими протяжными ударами.

В нескольких десятках метров от лифта стояло существо.

Высокое, широкоплечее, с кожей цвета старой меди. Из-под форменной одежды выходил толстый хвост, неподвижно лежавший на каменном полу. Автоматически, она прикинула, сколько же там может быть позвонков. Интересно, а на рентгене как он выглядит? Так, стоп!

Существо смотрело на Елену Михайловну.

Она смотрела на него.

Потом осторожно нажала кнопку закрытия дверей.

Ничего не произошло.

— Ну конечно, — язвительно произнесла она.

Существо повернуло голову и позвало кого-то на незнакомом языке.

Из-за колонны появился второй.

Этот был худым, в длинном тёмном сюртуке. Он быстро шёл навстречу, придерживая одной рукой объёмный свиток.

Елена Михайловна заметила небольшие рога, выступавшие над его лбом.

Незнакомец остановился в нескольких шагах от лифта.

Посмотрел на неё.

Затем на свиток.

— Тополева Елена Михайловна? — произнёс он на совершенно понятном русском языке.

Она сглотнула.

— К сожалению, но, да.

Незнакомец явно испытал облегчение.

— Наконец-то. Мы уже начали беспокоиться.

— Кто это — мы?

Он расправил плечи.

— Служба межмирового сопровождения. Позвольте представиться…

Елена Михайловна подняла руку.

— Подождите.

Незнакомец замолчал.

— Скажите мне сначала одну вещь.

— Разумеется.

Она посмотрела на рога. Потом на хвост первого существа. Затем на невероятный зал, начинавшийся за дверями гостиничного лифта.

— Это что, ад?

Незнакомец слегка поморщился.

— Не совсем корректное наименование.

— А корректное?

Он посмотрел на свиток.

— Верхний Хватъ.

Елена Михайловна несколько секунд молчала, не зная, плакать или смеяться.

Потом закрыла глаза.

— Господи.

Незнакомец деликатно кашлянул.

— Госпожа Тополева, я бы рекомендовал вам пока воздержаться от подобных обращений. Здесь они иногда воспринимаются буквально.

Глава вторая.
Оформление по прибытии

— Меня зовут Урхасс, — произнёс худой демон. — Старший распорядитель службы межмирового сопровождения. Мне поручено встретить вас и доставить к месту службы.

— Какой службы?

— Медицинской.

— В каком смысле?

— В прямом, госпожа.

Он развернул свиток.

Пергамент оказался длинным, плотным, со сложной тиснёной каймой. У нижнего края висела чёрная печать, похожая на кусок застывшего стекла.

По поверхности шли строки незнакомых знаков.

Потом знаки медленно изменились.

Елена Михайловна узнала собственную фамилию.

Ниже находились слова:

Служебное соглашение.

Тополева Елена Михайловна.

Должность: главный врачеватель.

Срок: триста циклов.

— Что это?

— Ваш договор.

— Я ничего не подписывала.

— Согласие получено устно.

Она вспомнила мужчину в гостинице.

Его спокойную улыбку. Вот ведь паразит!

Вопрос о работе.

И собственную фразу.

Елена Михайловна медленно посмотрела на Урхасса.

— Вы серьёзно?

— Совершенно.

— Я пошутила!

Он нахмурился.

— Характер высказывания не отмечен как шуточный.

— Тогда отметьте!

— Я не уполномочен изменять текст заключённого соглашения.

Она несколько секунд молчала.

— Хорошо. Сколько это, триста циклов?

— Значительный срок.

— Я вижу, что значительный. Сколько в земных годах?

Урхасс задумался.

— Точное соответствие зависит от принятой системы исчисления. Я подготовлю таблицу с перерасчётом, адаптированную для вас.

— Прекрасно, но можно было и подготовить раньше.

Она снова посмотрела на пергамент.

— А домой я могу вернуться?

— Вопрос о досрочном прекращении договора подлежит

отдельному рассмотрению.

— То есть нет?

— Я не сказал этого.

— А что сказали?

— Что вопрос подлежит отдельному рассмотрению.

Елена Михайловна неожиданно почувствовала знакомую усталость.

Подобными фразами обычно отвечали на обращения пациентов, когда никто не хотел брать на себя ответственность.

Только здесь за ними стояло что-то гораздо серьёзнее.

Она посмотрела на каменную стену за лифтом.

— А обратно открыть можно?

— Для этого необходимо распоряжение.

— Чьё?

— Межмировой палаты.

— Ведите меня туда.

— Сначала необходимо завершить оформление прибытия.

Тополева закрыла глаза.

— Конечно. Как же иначе.

Первое, что она потребовала, это проверить воздух.

— Я не знаю где я, чем здесь дышат, объяснила она. — И понятия не имею, что произойдёт с моими лёгкими через десять минут.

Урхасс выглядел почти довольным.

— Именно с этого мы и намеревались начать.

Меднокожий сопровождающий достал прозрачный диск, внутри которого вращались золотистые точки.

Елена Михайловна потребовала объяснить принцип работы.

После нескольких уточнений согласилась на исследование.

Диск завис перед её лицом.

Золотистые точки разделились на кольца, затем собрались в тонкую светящуюся полосу.

Урхасс прочитал заключение.

Основные газовые компоненты атмосферы были совместимы с человеческим дыханием. Содержание кислорода находилось в привычном для неё диапазоне. Признаков немедленного токсического воздействия прибор не обнаружил.

— А примеси?

— Требуют дальнейшего наблюдения.

— А в других районах?

— Воздух может отличаться. Особенно в нижних промышленных уступах.

— Значит, туда пока не поедем.

— Разумеется.

Она наконец полностью вышла из лифта.

За её спиной раздался щелчок.

Тополева обернулась.

Двери закрывались.

— Подождите!

Она бросилась назад.

На мгновение между створками ещё виднелась зеркальная стенка гостиничной кабины.

Затем двери сомкнулись.

Лифт исчез.

На его месте оказалась сплошная каменная стена.

Елена Михайловна подошла ближе.

Потрогала.

Камень.

Тёплый, шершавый, с тонкими прожилками. Да чтоб тебя!

— Где лифт?

— Переход завершил работу.

Она несколько секунд молчала.

Потом поправила сумку на плече.

— Ладно. Показывайте вашу адовую регистратуру, то есть регистрацию.

Регистрационная палата занимала несколько этажей огромного здания, высеченного непосредственно в скале.

Здесь было светло и шумно.

По широким коридорам двигались существа самых разных размеров и форм.

Одни шли самостоятельно, другие перемещались на низких платформах. У некоторых были крылья, сложенные вдоль спины; у других были хвосты, покрытые чешуёй или густой шерстью, прямо как в мультике «Фабрика монстров».

Навстречу прошла женщина с четырьмя руками. Двумя она держала документы, третьей поправляла причёску, четвёртой придерживала маленького ребёнка.

Ребёнок пытался поймать собственный хвост всеми четырьмя ручками.

Чуть дальше стоял высокий демон с прозрачными рогами, внутри которых медленно двигался зеленоватый свет.

Возле соседней двери спорили двое существ, внешне похожих на большие сгустки густого дыма. Когда один из них рассердился, часть его тела на мгновение распалась на несколько отдельных облачков.

Тополева остановилась.

— А эти кто?

— Представители одного из маловоплощённых видов.

— В каком смысле?

— Их физическая структура не полностью соответствует вашей.

— Это я заметила.

Из-за двери донёсся громкий человеческий голос:

— Я умер по ошибке! Вы обязаны меня вернуть!

Елена Михайловна замерла.

Дверь открылась.

В коридор вышел мужчина лет пятидесяти, в потёртой куртке, джинсах и кроссовках. Один шнурок развязался. Мужчина держал прозрачную пластину и выглядел совершенно растерянным.

— Да какая вам ещё справка нужна?! — возмущался он. — Я вчера был живой!

За ним вышла маленькая служащая.

— Господин, в вашем деле указана остановка жизненных функций с последующим отделением личности.

— Я знаю, что написано! Я говорю, что это ошибка!

Мужчина прошёл мимо.

Елена Михайловна проводила его взглядом.

— Урхасс.

— Да?

— Это человек?

— Да.

— С Земли?

— Полагаю.

— И он умер?

— Да. Пришлая душа.

Елена Михайловна почувствовала неприятный холодок.

До этой минуты всё происходящее ещё можно было воспринимать как путешествие в чужую цивилизацию.

Но мужчина в джинсах, споривший о собственной смерти, изменил это ощущение.

Он мог вчера идти по московской улице.

Покупать хлеб.

Разговаривать с женой.

А теперь стоял в коридоре неизвестного учреждения и пытался доказать, что должен быть жив.

— А куда его отправят? — спросила она.

— Зависит от распределительного решения.

— Это суд?

— Не всегда.

— А наказания существуют?

Урхасс посмотрел на неё.

— Да.

— Какие?

— Разные.

Она помолчала, раздражённая его односложными ответами.

— А вы сами когда-нибудь умирали?

Он удивился.

— Нет.

— То есть вы здесь родились?

— Разумеется.

— И у вас были родители?

Урхасс остановился.

— Госпожа Тополева, существование моего детства не представляется настолько невероятным, чтобы требовать отдельного подтверждения.

Она смутилась.

— Извините.

Он немного помолчал.

— Моя мать до сих пор считает, что мне следовало заниматься правом, а не административным сопровождением.

Елена Михайловна невольно улыбнулась.

— Моя тоже считала, что мне нужна другая специальность.

— Вот видите.

Оформляла её женщина с тремя голубыми глазами.

Третий располагался посередине лба, чуть выше двух остальных.

— Фамилия?

— Тополева.

— Имя?

— Елена.

— Родовое обозначение?

— Михайловна.

Женщина записала.

— Вид?

— Человек.

— Подвид?

— Homo sapiens sapiens, если вам это поможет.

Регистраторша подняла третий глаз.

— Поможет.

Она продолжила писать.

— Состояние при прибытии?

— Раздражённое.

Урхасс слегка кашлянул.

— Имеется в виду биологическое состояние.

— Живая, — ответила Тополева. — Пока.

Регистраторша сделала пометку.

Затем уточнила категорию пребывания: пришлая душа, временно воплощённая сущность, призванный специалист или особый посетитель.

— Призванный специалист, — сообщил Урхасс.

— На какой срок?

— Триста циклов.

Регистраторша остановилась.

Посмотрела на Елену Михайловну двумя глазами.

Потом третьим.

— Возраст?

— Сорок три года.

— Естественная продолжительность существования вида?

— Обычно несколько десятилетий. Некоторые люди доживают до ста и больше.

Регистраторша повернулась к Урхассу.

— Вы уверены в сроке?

— Он указан в договоре.

— Но она столько не проживёт.

Елена Михайловна наклонилась вперёд.

— Подождите. Это что ещё значит?

Урхасс ответил осторожно:

— Вопрос поддержания жизненного функционирования на протяжении договора регулируется отдельными положениями.

— Вы хотите сказать, что меня собираются искусственно поддерживать в живых?

— Возможны различные способы.

Она закрыла глаза, стараясь не визуализировать эту картину.

— Прекрасно.

Регистраторша попросила ознакомиться с основными правилами пребывания.

Правил оказалось сто сорок восемь.

Тополева попыталась получить краткое изложение.

Ей объяснили, что краткое изложение не заменяет полного ознакомления.

Пришлось слушать.

Она узнала, что запрещено пользоваться несертифицированными переходами, входить в районы с иной степенью воплощения без сопровождения и заключать сделки по отчуждению собственной личности без предварительной регистрации.

Последний пункт она попросила повторить.

— То есть душу продавать без регистрации нельзя?

— Нельзя.

— А мою уже продали?

Регистраторша посмотрела в документы.

— Ваш случай оформлен как межмировой призыв.

Тополева повернулась к Урхассу.

— Обожаю юридические тонкости.

К концу оформления она почувствовала голод.

В сумке оставалась маленькая шоколадка с конгресса и бутылка земной воды.

Елена Михайловна достала шоколад.

Регистраторша насторожилась.

— Что это?

— Еда.

— Из вашего мира?

— Да.

Через несколько минут шоколадку осматривали уже трое сотрудников.

Тополева смотрела на них с нарастающим раздражением.

— Господа, я просто хочу поесть.

— Необходимо исключить опасные компоненты, — объяснил Урхасс.

— Я это ем всю жизнь.

— Именно этот предмет?

— Шоколад вообще!

В конце концов ей разрешили съесть часть плитки, оставив крошки и обёртку для анализа.

Елена Михайловна согласилась.

Шоколад оказался немного растаявшим, но вкусным.

Она запила его несколькими глотками воды.

Регистраторша внимательно наблюдала.

— Приём питательного вещества завершён?

— Пока да.

Женщина сделала пометку.

Тополева подумала, что ещё никогда не ела шоколадку под таким пристальным административным наблюдением.

После регистрации её отвели в Палату смыслового согласования.

Урхасс объяснил, что пока они общались с помощью его личного переводного устройства, но для дальнейшей жизни в Верхнем Хвате необходимо полноценное сопряжение.

Процедура проводилась тонким кольцом, которое на несколько секунд располагали вокруг головы.

Елена Михайловна немедленно спросила, воздействует ли устройство на головной мозг.

Потом — изменяет ли память.

Затем — какие известны побочные эффекты.

Сотрудник отвечал терпеливо.

Возможны были головокружение, необычные сновидения и временные затруднения при восприятии сложных понятий.

— Исследования на людях есть?

Он посмотрел на Урхасса.

Тот вздохнул.

— Мы предоставим вам документацию.

Процедура заняла меньше минуты.

Елена Михайловна почувствовала лёгкое давление в висках, затем неприятное ощущение, словно одновременно пыталась вспомнить несколько иностранных слов.

Потом всё прошло.

Сотрудник произнёс фразу на незнакомом языке.

Она поняла мгновенно:

— Проверка завершена.

На выходе Тополева заметила надпись над дверью.

Палата смыслового согласования.

Она читала её совершенно свободно.

Но стоило присмотреться к отдельным символам, как они вновь становились чужими.

— Очень интересно, — произнесла она.

Урхасс, не оборачиваясь, ответил:

— Я начинаю понимать, почему вас пригласили врачевать.

На улицу они вышли через тяжёлые бронзовые двери.

Елена Михайловна ожидала увидеть мрачную пустыню, огонь или хотя бы что-нибудь, напоминающее изображения ада на средневековых картинах.

Вместо этого перед ней оказался огромный город.

Не просто большой.

Невероятный по своему устройству.

Свархъ лежал на уступах гигантской каменной котловины, уходившей вниз настолько глубоко, что нижние кварталы терялись в красноватой дымке.

Здания поднимались террасами, одно над другим. Где-то они были высечены прямо в скалах, где-то стояли на мощных колоннах, между которыми оставались громадные пустоты.

Над улицами тянулись мосты.

Некоторые широкие и прямые, по ним двигались экипажи. Другие — узкие, похожие на ленты чёрного металла, соединяли башни на невероятной высоте.

Часть мостов медленно перемещалась между уровнями, словно город всё время незаметно перестраивал собственную систему улиц.

Ниже, на одной из площадок, торговец снимал с жаровни лепёшки цвета старой меди. Над ними клубился синий пар, пахнувший одновременно корицей и мокрой известью. Рядом двое существ с перепончатыми руками ожесточённо спорили о цене, а маленький рогатый ребёнок, пользуясь тем, что взрослые отвлеклись, пытался незаметно унести с прилавка светящийся плод. Торговец не оборачиваясь щёлкнул хвостом и придвинул корзину подальше.

— Почти как возле нашей поликлиники, — пробормотала Тополева. — Только у нас дети воруют пробники из аптеки.

Урхасс явно хотел уточнить, что такое пробники, но, к её облегчению, промолчал.

Высоко над крышами плыли грузовые платформы.

На открытых посадочных площадках приземлялись и взлетали крылатые жители.

В одном месте две огромные арки стояли друг напротив друга, не касаясь одна другой. Между ними проходила дорога, исчезавшая в тёмном проёме и появлявшаяся значительно выше.

Елена Михайловна несколько секунд пыталась понять, где именно находится этот участок дороги.

Не поняла.

— Это что?

— Переход между уровнями.

— Он там поворачивает?

— Нет.

— Поднимается?

— В определённом смысле.

Она посмотрела ещё раз.

— У вас геометрия какая-то неправильная.

— Для вас, возможно.

На соседнем мосту остановился экипаж, похожий на низкую карету без колёс. Его тянули два длинноногих животных с гладкой чёрной кожей. Вдоль спин у них тянулись серебристые полосы.

Одно животное повернуло голову назад значительно дальше, чем позволяла бы обычная земная анатомия.

Елена Михайловна вздрогнула.

— А это кто?

— Городские араммы.

— Домашние животные?

— Да.

— А голова у них всегда так поворачивается?

— В пределах нормы.

Она достала блокнот.

Урхасс остановился.

— Госпожа Тополева, мы рискуем не добраться до лечебницы до окончания стражи.

— Я только название запишу.

На большой площади раскинулся рынок.

Под высокими навесами продавали ткани, металлическую посуду, растения в глубоких чашах, прозрачные сосуды и маленькие живые огоньки, заключённые в клетки.

Из одной лавки доносился резкий аромат жареных пряностей. В другой продавец развешивал длинные связки сушёных плодов.

Крылатая женщина в дорогом синем платье выбирала украшения, одновременно придерживая за руку маленького демона.

Ребёнок капризничал и пытался расправить крылья.

Мать прижимала их к его спине.

— Я сказала, в общественном месте нельзя!

Елена Михайловна улыбнулась.

Через несколько шагов ребёнок вырвался, распахнул крылья и опрокинул поднос.

Продавец возмутился.

Мать начала извиняться.

Ребёнок заплакал.

Всё выглядело совершенно привычно.

И вдруг Елена Михайловна заметила процессию.

По краю площади двигалась длинная цепочка людей.

Именно людей — по крайней мере, некоторые выглядели совершенно обычно.

Мужчина в старинном сюртуке.

Женщина в длинном платье.

Юноша в спортивной куртке.

Пожилая женщина в простом платке.

За ними шли существа, совсем не похожие на людей.

Процессию сопровождали четверо стражей.

Некоторые фигуры казались полупрозрачными. Сквозь плечо мужчины в сюртуке можно было различить часть стены.

— Это кто? — спросила Тополева.

— Переводная группа.

— Куда переводят?

— Из распределительного отделения в соответствующие учреждения.

— Это души?

— В основном.

Она посмотрела на прохожих.

Рядом торговец предлагал горячие лепёшки. Кто-то спорил о цене. Маленький демон тянул мать за рукав.

А между лавками шли умершие.

— И никто не обращает внимания?

Урхасс удивился.

— Переводные группы проходят здесь ежедневно.

Наверное, подумала Тополева, именно это было самым

неприятным.

Не сами мёртвые.

А то, что для остальных они являлись частью городского движения.

Служебная платформа Урхасса напоминала длинную тёмную карету без колёс.

Внутри оказалось два ряда удобных сидений, прозрачные окна и панель с движущимися символами.

Водитель имел широкие плечи, длинные уши и две пары рук. Нижней парой он управлял платформой, верхней время от времени поправлял рычаги над головой.

Они поехали по широкому проспекту.

Сквозь прозрачное окно тянуло терпким запахом подогретого металла и сладкой выпечки. Свархъ не походил на город, выстроенный для устрашения приезжих: он торопился по своим делам и, кажется, вовсе не интересовался её ужасом.

Свархъ двигался вокруг.

На стенах старых зданий росли растения с почти чёрными листьями. Из некоторых домов выступали открытые площадки для взлёта. Между башнями висели длинные мосты, соединявшие кварталы, построенные в разные эпохи.

На одном из перекрёстков движение регулировало существо, похожее на высокий столб с несколькими парами рук.

По улице ехали экипажи.

Над ней летели крылатые.

Между домами перемещались небольшие платформы.

А у самой стены скользило нечто полупрозрачное, похожее на длинную ленту дыма.

— У вас светофоры бывают? — спросила Тополева.

— Разумеется.

— А почему здесь регулировщик?

— Слишком много разных способов передвижения. Автоматическое управление затруднено.

Она посмотрела на перекрёсток.

— Понятно.

Через несколько минут впереди появилась огромная каменная конструкция.

Она напоминала колесо старинной мельницы. Спицы медленно вращались внутри высокой башни, уходившей далеко вниз.

На поверхности колеса виднелись десятки ниш.

В каждой находилась человеческая фигура.

Тополева сначала решила, что это статуи.

Но одна из фигур пошевелилась.

Потом другая.

У основания башни собралась небольшая толпа. Кто-то разговаривал. Несколько подростков ели горячую выпечку. Возле ограждения продавали маленькие металлические фигурки самого колеса.

— Что это?

Урхасс посмотрел в окно.

— Шестое Колесо.

— Для чего?

— Старое исправительное сооружение.

— Там люди?

— Пришлые души.

— Что с ними делают?

— Исполняют назначенное наказание.

Колесо вращалось медленно.

Когда очередная ниша уходила вниз, фигура в ней исчезала за каменной стеной. Через некоторое время появлялась на противоположной стороне.

Елена Михайловна заметила, что некоторые фигуры сжимались, словно от боли.

— Им больно?

Урхасс помолчал.

— Предполагается, что воздействие сопровождается неприятными ощущениями.

— Предполагается?

— Точный характер зависит от решения исправительной службы.

— А за что их туда отправили?

— У каждого своё основание.

— А сколько они там находятся?

— Разные сроки.

— Они могут умереть?

Урхасс посмотрел на неё с недоумением.

— Госпожа Тополева, они уже умерли.

Она снова повернулась к окну.

У подножия Колеса продавец передал покупателю бумажный свёрток. Из него поднимался пар.

Подростки смеялись.

Колесо продолжало вращаться.

— Остановите, пожалуйста.

Водитель посмотрел на Урхасса.

Тот кивнул.

Платформа остановилась.

Елена Михайловна несколько секунд смотрела на сооружение.

— И это у вас нормально?

— Учреждение действует в соответствии с законодательством.

— Я не об этом.

Он сложил руки на коленях.

— Понимаю, что для вас подобное зрелище непривычно.

— Непривычно? Там людей мучают!

— Пришлые души, — осторожно уточнил он.

— Какая разница?

Урхасс посмотрел на неё.

Впервые за всё время знакомства он, кажется, не нашёл подходящей формулировки.

— Возможно, — произнёс он наконец, — этот вопрос стоит обсуждать не со мной.

Елена Михайловна снова посмотрела в окно.

Ей хотелось выйти, подойти к ограждению, спросить, кто принимает решения, кто определяет срок и существуют ли медицинские ограничения.

Но она ещё не понимала даже того, что представляли собой эти существа.

Могут ли умершие терять сознание?

Что происходит с их телами?

Можно ли причинить непоправимый вред тому, кто уже умер?

— Поехали, — сказала она.

Платформа тронулась.

Шестое Колесо осталось позади.

Четвёртая городская лечебница находилась на одном из верхних уступов Сварха.

Её было видно издалека.

Здания занимали огромную территорию между двумя каменными гребнями. Старые корпуса из тёмного камня соединялись с новыми галереями из металла и прозрачного материала.

Над центральным зданием поднималась башня с широкими площадками, на которые садились крылатые экипажи.

Внутри территории росли деревья. Некоторые были совершенно обычного вида, другие имели толстые красноватые стволы и листья, слабо светившиеся даже при дневном освещении.

По дорожкам передвигались пациенты и сотрудники.

Лечебница вовсе не выглядела местом мучений.

Наоборот.

Она напоминала крупный университетский медицинский центр, которому очень повезло с территорией, финансированием и архитекторами.

— Сколько у вас коек? — спросила Елена Михайловна.

— Около тысячи двухсот.

— Сотрудников?

— Почти четыре тысячи.

Тополева присвистнула.

У входа висела эмблема: чаша, окружённая двумя переплетёнными существами.

Под ней находился девиз:

Сохранять целостность. Восстанавливать утраченное. Не причинять лишнего.

Елена Михайловна перечитала последнюю строку.

После Шестого Колеса она воспринималась совершенно иначе.

— Хороший девиз, — сказала она.

Урхасс кивнул.

— Один из старейших в лечебной службе.

У входа произошла небольшая суматоха.

Медицинская платформа только что доставила молодого крылатого демона. Он сидел в кресле, откинувшись назад, и тяжело дышал.

Крылья свисали по обе стороны.

Возле него стояли двое сотрудников.

— Проводимость падает! — сказал один.

— Зови Саэрру!

Елена Михайловна остановилась.

У молодого демона кожа приобрела сероватый оттенок. Он пытался что-то сказать, но говорил отрывисто.

Тополева машинально приблизилась.

— Что случилось?

Один из сотрудников посмотрел на неё.

— Нарушение ритма третьего контура.

— Какого контура?

Он растерялся.

Она уже хотела уточнить, как устроено сердце пациента, но вовремя остановилась.

Не знала его физиологии.

Не знала нормальных показателей.

Не знала допустимых способов реанимации.

Здесь её двадцатилетний опыт не давал права действовать наугад.

— Он в сознании? — спросила она.

— Пока да.

— Дышит самостоятельно?

— Да.

Она отошла, освобождая место.

Из дверей вышла высокая женщина с тёмными волоса-

ми, собранными на затылке. На ней была светло-серая медицинская форма. Рога изгибались назад и почти скрывались в причёске.

Она двигалась быстро, но без суеты.

Подошла к пациенту, коротко расспросила сопровождающих и положила ладонь ему на грудь.

В воздухе вспыхнуло объёмное изображение внутренних органов.

Елена Михайловна замерла.

Внутри грудной клетки двигались несколько сокращающихся камер, соединённых сложной сетью сосудов. Одна из структур работала с явными перебоями.

Женщина приложила к груди пациента металлическую пластину.

Короткая вспышка.

Молодой демон вздрогнул.

Затем глубоко вдохнул.

Серый оттенок кожи начал исчезать.

— Ритм восстановлен, — сказал сотрудник.

Женщина продолжала следить за изображением.

Потом распорядилась доставить пациента в диагностическое отделение.

Только после этого повернулась к Урхассу.

— А это кто?

— Госпожа Тополева. Приглашённый специалист из человеческого мира.

Женщина смерила Елену Михайловну внимательным взглядом.

— А-а. Так это вы.

Особенной радости в её голосе не было.

— Саэрра, — представилась она. — Руководитель лечебной службы.

— Тополева Елена Михайловна. Терапевт.

— Знаю.

— А можно спросить?

Саэрра вздохнула.

— Можно.

— У него нарушение проводимости?

Она посмотрела на Тополеву внимательнее.

— Да.

— А чем восстановили ритм?

— Направленным импульсом.

— То есть чем-то вроде электрокардиостимуляции?

— Я не знаю, что вы называете электрокардиостимуляцией.

— У нас это метод воздействия на сердечную проводящую систему.

Саэрра помолчала.

— Возможно, принципы частично совпадают. Но сейчас мне нужно заняться пациентом.

— Конечно.

Она повернулась к сотрудникам:

— Переводите Рахва. Подготовьте повторную оценку третьего контура.

Затем посмотрела на Урхасса.

— Вашего специалиста сначала должны обследовать. После этого можете приводить на ознакомление.

И ушла.

Елена Михайловна проводила её взглядом.

— Она всегда такая?

— Госпожа Саэрра отличается требовательностью.

— Хороший врач?

— Один из лучших.

Тополева кивнула.

— Заметно.

Медицинское освидетельствование заняло больше времени, чем она ожидала.

Её осматривали специалисты по сравнительной физиологии, обмену веществ и межвидовой безопасности.

Проверили дыхание, сердечно-сосудистую систему, состав крови и несколько показателей, смысл которых Тополева пока не понимала.

Большая часть исследований проводилась бесконтактно.

Перед ней возникали объёмные изображения собственных органов.

Некоторые были настолько подробными, что она невольно начинала рассматривать их с профессиональным интересом.

— А здесь можно увеличить? — спросила она, увидев

изображение сердца.

Исследователь удивился.

— Можно.

— Покажите межжелудочковую перегородку.

Он увеличил.

Тополева подошла ближе.

— Прекрасное разрешение.

В соседнем кабинете ей показали атлас человеческой анатомии.

Она посмотрела на рисунок.

Потом ещё раз.

— Простите, а кто это составлял?

— Профессор сравнительных форм Хаарвеш.

— И давно?

— Несколько десятков циклов назад.

— Понятно.

Она указала на схему.

— У вас тут печень изображена не там.

Сотрудник нахмурился.

— В каком смысле?

— В анатомическом. Она должна быть правее. И ещё у вас странно нарисованы почки.

— Профессор Хаарвеш считается признанным специалистом.

— Не сомневаюсь. Но почки от этого ближе к тазу не переедут.

Через полчаса вокруг неё стояли уже четверо исследователей.

Один попросил объяснить строение человеческого сердца.

Другой интересовался лёгкими.

Третий — особенностями кровоснабжения печени.

Кто-то заметил:

— Удивительно неэкономичная система. Один основной насосный орган, практически без резервирования.

— Ничего, живём, — ответила Тополева.

— Недолго, — заметил другой.

— Спасибо. Очень поддержали.

К вечеру Елена Михайловна была окончательно измучена.

Хотелось есть, пить, принять душ и позвонить дочери.

Последнее оказалось невозможным.

Телефон показывал отсутствие сети.

Она несколько раз попыталась отправить сообщение, включила и выключила авиарежим, перезагрузила устройство.

Ничего.

Урхасс обещал заняться вопросом межмировой связи.

— Когда? — спросила она.

— После определения доступного канала.

— А конкретнее?

— Завтра направлю запрос.

— Урхасс, у меня дочь дома.

Он замолчал.

— Ей девятнадцать, она вполне самостоятельная. Но я ушла на конгресс и не вернулась. Понимаете?

— Да, госпожа.

— Она будет меня искать.

Урхасс внимательно посмотрел на неё.

— Я постараюсь ускорить процедуру.

Тополева не стала спорить.

Она слишком устала.

Её поселили в служебных апартаментах при лечебнице.

Большая гостиная, спальня, ванная и маленький кабинет.

Окна выходили на внутренний сад с тёмными деревьями.

Всё было тщательно приготовлено.

На столе лежали книги, чистый блокнот и письменные принадлежности. Возле кровати стоял кувшин.

— Это вода?

— Да.

— Проверенная?

— Обычная городская вода.

— Тогда пока не буду.

Урхасс кивнул.

— Предусмотрительно.

Елена Михайловна достала бутылку с остатками земной воды.

— А есть что-нибудь поесть? Но проверенное для чело-

века.

Урхасс перечислил несколько незнакомых продуктов.

Она покачала головой.

— Давайте сначала исследуем.

Через некоторое время пришли два специалиста из лаборатории сравнительного питания. Они забрали образцы воды, оставшуюся шоколадную обёртку и маленький кусочек шоколада, который завалился в отдельный кармашек, и немного растаял.

Тополева объяснила особенности человеческого пищеварения, пищевые аллергии и непереносимость отдельных компонентов.

Один из исследователей особенно заинтересовался шоколадом.

— Это лечебное вещество?

— Нет.

— Тогда для чего применяется?

Она задумалась.

— Для удовольствия.

Он сделал пометку.

— Понятно. Психоэмоциональная коррекция.

— Можно и так сказать.

Они ушли, пообещав к утру подобрать продукты, безопасные для человека.

Урхасс сообщил, что городская вода пока не предназначена для употребления человеком, а душ станет доступен по-

сле установки отдельного адаптационного контура.

— И когда это будет?

— Мастера придут ночью.

Тополева устало посмотрела на него.

В мире, где за несколько секунд восстанавливали сердечный ритм и наблюдали движение крови в трёх сердцах одновременно, целая научная группа изучала возможность безопасно умыть одного человека.

Это выглядело нелепо.

Но, по крайней мере, никто не предлагал просто потерпеть.

Марта появилась ближе к окончанию вечерней стражи.

Невысокая, крепко сложенная женщина с тёмными волосами, в которых уже появилась седина. На ней было рабочее платье и светлый передник с эмблемой лечебницы.

Она осмотрела Елену Михайловну с ног до головы.

— Устали?

— Очень.

— Голодная?

— Да.

— И злая?

— Немного.

Марта кивнула.

— Понятно. Тогда сейчас устроим вас, а утром накормим.

Елена Михайловна невольно улыбнулась.

В этой женщине было что-то удивительно знакомое.

Так могли разговаривать опытные медицинские сёстры, которые за долгие годы работы научились безошибочно определять состояние пациента ещё до того, как тот успел открыть рот.

— А вы кто?

— Марта. Старшая помощница лечебного корпуса.

— Давно работаете?

— Достаточно, чтобы не удивляться новым начальникам.

Тополева рассмеялась.

— Я не совсем начальник.

— Это все сначала говорят.

Марта поставила чистое бельё на стол.

— Утром принесут рабочую форму. Пока отдыхайте. Если что-нибудь понадобится — позовите.

Она показала серебристую пластину возле двери.

— Нажмёте сюда.

— И вы придёте?

— Если занята — кто-нибудь другой. Но обычно я.

Елена Михайловна кивнула.

— Спасибо.

Позже она долго стояла у окна.

Внизу сад освещали маленькие светильники, похожие на неподвижные капли огня. По дорожке прошли двое сотрудников лечебницы. Один рассказывал что-то оживлённо, размахивая руками. Другой смеялся.

Высоко над зданиями медленно двигалась грузовая плат-

форма.

Где-то в городе раздался низкий протяжный звук.

Потом ещё один.

И ещё.

Он не походил ни на церковный колокол, ни на заводской гудок. Скорее на удар по огромной металлической пластине, от которого начинал вибрировать сам воздух.

За окном светильники на несколько секунд потускнели.

По верхней галерее прошла бледная фигура.

Не человек.

Слишком высокая, слишком тонкая, она двигалась так, словно не касалась пола.

За ней появилась вторая.

Затем третья.

Все направлялись в одну сторону.

Одна фигура остановилась.

Повернула голову.

На секунду Елене Михайловне показалось, что та смотрит прямо на неё.

Потом существо отвернулось и продолжило путь.

Тополева нажала пластину вызова.

Марта появилась через несколько минут.

— Что случилось?

— Там кто-то ходит по галерее.

Женщина выглянула в окно.

— А-а. Старые души проходят.

— Какие старые?

— Те, что давно утратили плотное воплощение.

— И куда они идут?

— В нижние сады. Там им спокойнее.

— А почему все одновременно?

— Время прохода.

— Что за время?

— Когда звучит третий колокол, часть переходов освобождают для них.

Тополева вспомнила низкие удары.

— А если кто-нибудь случайно окажется на галерее?

— Ничего страшного. Просто лучше не мешать.

— Почему?

Марта задумалась.

— Они иногда забывают, где находятся. И могут попытаться пройти сквозь вас.

— И что тогда?

— Неприятно.

— Насколько?

— По-разному.

Елена Михайловна несколько секунд смотрела на неё.

— Марта, а у вас здесь вообще есть что-нибудь, о чём можно не беспокоиться?

Женщина улыбнулась.

— Конечно. Спать, например.

Перед сном Елена Михайловна открыла переписку с до-

черью.

Написала:

Со мной всё нормально. Только не волнуйся, пожалуйста. Я обязательно объясню.

Сообщение осталось неотправленным.

Тополева некоторое время смотрела на экран.

Затем открыла фотографию Толстого.

Кот лежал на диване, раскинув лапы и совершенно не заботясь о достоинстве собственного имени.

Она грустно улыбнулась.

— Ну что, Толстый. Кто тебя теперь кормить будет?

Наверное, дочь.

Конечно, дочь.

Елена Михайловна убрала телефон.

На прикроватном столике лежал чистый блокнот.

Она открыла первую страницу и написала:

Верхний Хватъ. Первый день.

Ниже составила список.

1. *Добиться связи с домом.*
2. *Получить полный текст договора.*
3. *Выяснить порядок возвращения.*
4. *Изучить местную физиологию.*
5. *Проверить безопасность питания и воды.*

Она задумалась.

Добавила:

Узнать, кто отвечает за медицинское наблюдение за

пришлыми душами.

Посмотрела на последнюю строчку.

Потом вспомнила Шестое Колесо.

Здесь существовали невероятные способы лечения и восстановления тканей.

И одновременно — древние, законные, привычные способы причинять страдание.

Елена Михайловна не знала, связаны ли они между собой.

Не собиралась немедленно спасать весь Верхний Хватъ. У неё хватало собственных проблем.

Но оставить этот вопрос без ответа тоже не хотелось.

Она закрыла блокнот.

За окном раздался последний низкий удар колокола.

Глава третья. Неизвестная специальность

Елену Михайловну разбудили в половине седьмого.

Во всяком случае, часы, которые она накануне поставила на прикроватный столик, показывали шесть тридцать две.

Спала она плохо.

Сначала долго не могла уснуть, потом просыпалась от неизвестных звуков, доносившихся из города. Один раз ей приснилось, что заведующая требует срочно закрыть все карты, но вместо пациентов в списке были какие-то существа с рогами.

Самым неприятным оказалось то, что во сне она совершенно не удивилась.

За дверью постучали.

— Госпожа Тополева! Вы проснулись?

— Да слышу я! Одну минуту.

На пороге стояла Марта с подносом. За её спиной переминался молодой демон с папкой под мышкой и таким торжественным видом, будто доставлял не завтрак, а результаты межгосударственных переговоров.

— Доброй первой стражи, госпожа врачеватель.

— Доброе утро. Хотя у меня с вашим временем пока сложные отношения.

— Как раз поэтому я принесла вот это.

Марта достала плотную карточку.

Вверху значилось:

Справочная таблица соответствия единиц времени Верхнего Хвата земным единицам. Подготовлено по распоряжению Урхасса.

Елена Михайловна прочитала вслух:

— «Доля — одна земная минута. Стража — четыре земных часа. Оборот — двадцать четыре земных часа. Цикл — триста тридцать земных суток».

Она подняла глаза.

— Значит, у вас в сутках шесть страж?

— Да.

— А триста циклов…

Она быстро пересчитала.

Девяносто девять тысяч земных суток.

Примерно двести семьдесят один год.

— Вот спасибо. Сразу легче стало.

Марта посмотрела на неё.

— Почему?

— Триста лет я бы не выдержала. А двести семьдесят один — другое дело.

Молодой демон за её спиной нахмурился.

Кажется, он ещё не научился отличать человеческую иронию от серьёзного высказывания.

Завтрак выглядел вполне прилично.

В небольшой миске находилась светлая каша с мелкими

тёмными зёрнами. Рядом лежала булочка и стоял прозрачный сосуд с водой.

Елена Михайловна осторожно понюхала кашу.

— Это что?

Молодой демон выступил вперёд.

— Ирвель, младший исследователь службы сравнительного питания.

— Очень приятно.

— Блюдо приготовлено из зерновой культуры саэль. Ночной экспертный совет признал его предварительно совместимым с человеческим пищеварением в ограниченном объёме.

— Ночной экспертный совет?

— Да.

— Сколько вас там было?

— Семь специалистов.

Тополева посмотрела на кашу.

Потом на Ирвеля.

— Семь врачей ночью обсуждали мою овсянку?

— Это не овсянка.

— Я образно, ну да ладно.

Она попробовала маленькую ложку.

Каша оказалась приятной, немного сладковатой.

Ирвель немедленно достал пластину.

— Какие ощущения?

— Вкусно.

— Боль?

— Нет.

— Жжение?

— Нет.

— Изменение вкусового восприятия?

— Ирвель, если вы будете задавать вопрос после каждой ложки, я никогда не доем.

Он смутился.

Марта тихо засмеялась.

— Я ему говорила.

После завтрака лаборатория разрешила попробовать небольшой кусок хлеба и ограниченную порцию мяса, приготовленного из местного травоядного животного.

Елена Михайловна отдельно уточнила, не является ли животное разумным.

Ирвель посмотрел на неё с удивлением.

— Разумеется, нет.

— Я здесь второй день. Предпочитаю уточнять.

Он записал.

Ванная комната за ночь изменилась.

На стене появились дополнительные устройства, а возле крана — небольшая табличка.

Адаптационный водный контур. Предварительная совместимость с человеческими покровными тканями подтверждена.

Ниже находилось предупреждение:

Не использовать воду для питья.

Елена Михайловна внимательно прочитала.

— Марта, а обычная вода у вас какая?

— Нормальная.

— Для вас нормальная.

— Ну да.

— А для меня?

— Пока не знаем.

Тополева кивнула.

— Честный ответ. Уже хорошо.

Душ работал необычно: вода появлялась сверху мягким потоком, хотя привычной лейки не было видно.

Она несколько минут разбиралась с управлением, потом обнаружила, что температура регулируется небольшой полосой на стене.

После душа кожа чувствовала себя нормально.

Ни зуда, ни жжения.

По крайней мере, непосредственной реакции не возникло.

На полке стояло несколько новых флаконов.

В одном находилось средство для волос, в другом — для кожи. На третьем была надпись «Зубоцвет».

Елена Михайловна заинтересовалась.

Это оказалась зубная паста необычного голубовато-перламутрового цвета.

Когда она нанесла её на щётку, мягкая щетина слегка изменила форму, подстраиваясь под прикосновение.

Тополева удивлённо подняла брови.

В зеркале отражалась женщина, уже два дня находившаяся в аду и впервые за это время искренне радовавшаяся зубной щётке.

Она начала чистить зубы.

Паста постепенно меняла цвет.

В некоторых участках становилась зеленоватой, в других — желтоватой. Через некоторое время окраска исчезала.

После процедуры Елена Михайловна внимательно осмотрела зубы.

Затем флакон.

Потом снова зубы.

— Очень интересно.

Марта, заглянувшая в ванную, вздохнула.

— Вы всё исследуете?

— А у вас это обычная паста?

— Не совсем. Для вас специально подготовили.

— А местная?

— Похожая.

— Она показывает зубной налёт?

— Некоторые загрязнения.

Тополева задумалась.

Если механизм действительно был достаточно точным, подобное средство могло бы оказаться полезным для обучения гигиене полости рта.

Хотя сначала следовало проверить безопасность и досто-

верность результатов.

Она сделала пометку в блокноте.

На втором дне пребывания в аду у неё уже возникло желание организовать небольшое стоматологическое исследование.

Форму принесла портниха с четырьмя руками.

Она оказалась невысокой женщиной с серебристой кожей, короткими рогами и строгим выражением лица.

Увидев Тополеву, осмотрела её с таким вниманием, будто та представляла собой особенно сложный крой.

— Плечи обычные, — произнесла портниха. — Дополнительных конечностей нет. Хвост отсутствует. Крыловые основания тоже.

— Спасибо, я в курсе.

Портниха не поняла шутки.

Она достала свёрток.

Внутри находилась тёмно-сизая туника, удобные брюки, закрытая обувь и светлый рабочий плащ с эмблемой лечебницы.

Тополева переоделась.

Форма сидела замечательно.

Ткань была мягкой, почти невесомой, но при этом достаточно плотной. Обувь не натирала, а плащ ложился по плечам так, словно был сшит по индивидуальным меркам.

Елена Михайловна уже собиралась похвалить портниху, когда обнаружила отверстие на задней части брюк.

— Простите, а это что?

Портниха посмотрела.

— Для хвоста.

— У меня его нет.

— В стандартной форме предусмотрено.

Тополева посмотрела на себя в зеркало.

— Очень предусмотрительно. Но давайте закроем.

Портниха провела по ткани серебристой иглой.

Материал изменил форму, и отверстие исчезло.

Елена Михайловна потрогала шов.

Его не было.

— А карманы?

Портниха показала два маленьких клапана.

— Служебные пластины размещаются здесь.

— А ручка?

— Какая?

— Обычная. Писать.

Портниха выглядела озадаченной.

Через десять минут на тунике появились два глубоких кармана и один внутренний.

Елена Михайловна положила туда телефон, блокнот и ручку.

— Вот теперь можно работать.

Портниха осмотрела результат с сомнением.

— Покрой нарушен.

— Зато функциональность появилась.

В коридоре её ожидал Урхасс.

Он держал папку, несколько служебных пластин и небольшой металлический знак.

— Госпожа Тополева, поздравляю с официальным вступлением в должность главного врачевателя.

Она посмотрела на знак.

— Это что?

— Подтверждение полномочий.

— Каких?

— В соответствии с распоряжением лечебного ведомства вы получаете право присутствовать при медицинских разборах, знакомиться с деятельностью подразделений и участвовать в разработке рекомендаций.

— А лечить?

— После завершения адаптации и подтверждения компетенций по соответствующим видам.

— Разумно.

Урхасс явно не ожидал согласия.

— Вы не возражаете?

— Нет. Я терапевт, а не волшебница. Если у пациента три сердца, я сначала должна узнать, как они работают.

Он кивнул.

— Госпожа Саэрра придерживается сходного мнения.

— Это хорошо.

— Однако ваше назначение на административную должность уже вызвало некоторое обсуждение.

— Представляю.

Она прикрепила знак к воротнику.

— И ещё, Урхасс. Что с воздухом, едой и связью?

Он открыл папку.

Предварительная оценка городского воздуха не выявила немедленно опасных для человека компонентов, но долговременная безопасность оставалась неизвестной.

Исследования питания продолжались.

А межмировая связь требовала отдельного разрешения.

— По последнему вопросу я направил ходатайство, — сообщил Урхасс.

— Хорошо. И договор не забудьте.

— Не забуду.

По дороге в диагностическое отделение Елена Михайловна заметила странное обстоятельство.

Сотрудники уступали ей дорогу.

Некоторые останавливались и кланялись.

Один молодой врачеватель, увидев знак на её воротнике, едва не выронил документы.

— Доброй стражи, госпожа главный врачеватель!

— Доброе утро.

Он продолжал стоять.

— Можно я пройду?

— Разумеется!

Тополева нахмурилась.

— Урхасс, а что именно означает моя должность?

— Высокое положение в лечебной иерархии.

— Насколько высокое?

— Достаточно.

— Вы сейчас опять уходите от ответа.

Он деликатно кашлянул.

В этот момент по коридору прошла группа молодых сотрудников.

Один из них, заметив Тополеву, остановился.

Другие тоже.

Они смотрели на неё с явным любопытством.

— Простите, — осторожно спросил самый молодой. — Вы действительно человек?

— Да.

— Живой?

— Пока да.

Он перевёл взгляд на товарищей.

— А правда, что люди могут заразить смертностью?

Тополева остановилась.

— Чем?

— Смертностью.

Урхасс резко повернулся.

— Это совершенно недостоверное утверждение!

Молодой демон смутился.

— Но в учебнике старых форм…

— В каком учебнике? — заинтересовалась Тополева.

Урхасс прикрыл глаза.

— Госпожа, прошу вас не поощрять подобные разговоры.

— Почему? Мне интересно.

Выяснилось, что среди некоторых молодых сотрудников действительно ходил слух: якобы длительный контакт с живым человеком способен сокращать продолжительность жизни существ, обычно живущих столетиями.

Елена Михайловна посмотрела на них.

— И вы боитесь?

Один признался, что немного.

— А вы знаете, — сказала она, — у нас тоже много людей боятся заразиться от обычного прикосновения, даже если никакой инфекции нет.

— И что вы делаете?

— Объясняем разницу между заразными болезнями и незаразными состояниями.

Молодые демоны переглянулись.

— Значит, смертность не передаётся?

— Не имею оснований так считать. Но ваши специалисты должны проверить, существуют ли какие-либо реальные риски межвидового контакта.

Урхасс одобрительно кивнул.

— Именно.

Когда они ушли, Тополева посмотрела на распорядителя.

— У вас тоже есть медицинские мифы.

— К сожалению.

— Значит, будет о чём поговорить.

Саэрра встретила их возле диагностического зала.

На ней была светло-серая медицинская форма. Волосы собраны, на запястье закреплена служебная пластина.

Она внимательно осмотрела Тополеву.

— Форму вы получили.

— Да.

— Удобная?

— Очень. Только пришлось добавить карманы.

Саэрра посмотрела на них.

— Зачем столько?

— Профессиональная привычка.

Она не стала спорить.

Вместо этого повела Елену Михайловну по отделению.

Здесь находились большие диагностические залы, кабинеты функциональных исследований, лаборатории и несколько помещений, предназначенных для пациентов необычного строения.

В одном кресле спинка разделялась на части для крыльев.

В другом имелось широкое основание для хвоста.

Третье вообще напоминало высокий сосуд, заполненный прозрачной жидкостью.

— Это для кого? — спросила Тополева.

— Для водно-воплощённых пациентов.

— Они здесь живут?

— Некоторые. Другие временно поддерживают такую форму.

Елена Михайловна внимательно посмотрела на сосуд.

— А кислород получают из воды?

— Не всегда. Зависит от вида.

Она достала блокнот.

Саэрра вздохнула.

— Мы ещё даже не начали.

В соседней палате находился Рахв.

Тот самый молодой крылатый демон, которого накануне привезли с нарушением ритма.

Теперь он лежал спокойно, хотя выглядел уставшим.

Саэрра открыла объёмную запись вчерашнего исследования.

Перед Еленой Михайловной возникло изображение трёх сердечных контуров.

Первый обеспечивал основной кровоток через внутренние органы.

Второй участвовал в работе дыхательной системы.

Третий был связан с интенсивным снабжением полётной мускулатуры.

Системы работали согласованно, но не одинаково.

У Рахва наблюдалось нарушение проведения импульса между вторым и третьим контурами.

Елена Михайловна внимательно рассматривала изображение.

— А есть запись нормального ритма?

Саэрра открыла вторую схему.

— Вот.

Они сравнили.

Тополева задавала вопросы о проводящей системе, частоте сокращений, регуляции нагрузки.

Саэрра отвечала терпеливо, хотя временами ей приходилось останавливаться и объяснять совершенно базовые понятия.

Через некоторое время она спросила:

— Почему вас так интересует последовательность сокращений?

— Потому что при человеческих нарушениях ритма важно понимать, где именно возникает сбой. Но я не знаю, насколько корректна аналогия.

Саэрра кивнула.

— Аналогия ограниченная, однако полезная.

Рахв, до этого лежавший молча, поднял голову.

— Простите, а можно узнать, когда меня выпишут?

Обе женщины одновременно повернулись.

— После контрольного исследования, — ответила Саэрра.

— Вы это вчера говорили.

— Потому что исследование ещё не проведено.

Елена Михайловна улыбнулась.

Рахв вздохнул.

Пациенты, похоже, не зависели от количества сердец.

После обхода Саэрра показала хирургический корпус.

Здесь проводили операции, которые Елена Михайловна ещё вчера сочла бы невозможными.

Повреждённые ткани восстанавливали при помощи сложных регенерационных матриц. Некоторые сосуды можно было практически заново сформировать внутри организма.

Но возможности были не безграничны.

Саэрра объяснила, что регенерация требует сохранности определённых тканевых структур, значительных энергетических ресурсов и строгого контроля. При некоторых заболеваниях восстановленная ткань вновь повреждалась.

— А отторжение бывает? — спросила Тополева.

— У отдельных видов и при определённых условиях.

— А злокачественный рост?

Саэрра посмотрела на неё.

— Да. Особенно при нарушении регуляции восстановления.

Они начали обсуждать механизмы контроля клеточного деления.

Разговор оказался настолько увлекательным, что Саэрра дважды напомнила о времени.

В одном из коридоров Тополева заметила пациента на каталке.

Он выглядел почти прозрачным.

Сквозь грудную клетку просвечивали складки простыни.

— Это душа? — спросила она.

— Да.

— И его лечат?

— Разумеется.

— От чего?

— Нарушение устойчивости воплощения после длительного пребывания в исправительном учреждении.

Елена Михайловна остановилась.

Вспомнила Шестое Колесо.

— Можно подробнее?

Саэрра посмотрела на неё.

— Это сложная специальность. Физиология пришлых душ значительно отличается от физиологии живых организмов.

— Но они могут страдать?

— Да.

— И обращаться за медицинской помощью?

— Да.

— А если заболевание связано с условиями наказания?

Саэрра помолчала.

— Тогда мы лечим последствия.

— А причины?

— Не всегда находятся в компетенции лечебницы.

Елена Михайловна ничего не ответила.

В памяти снова возникло огромное колесо, медленно вращавшееся посреди оживлённого проспекта.

К концу третьей стражи у неё было уже несколько страниц записей.

Она познакомилась с оборудованием, о котором могла бы только мечтать на Земле, увидела невероятные возможности регенерационной медицины и поняла, что местные специалисты прекрасно владеют собственными знаниями.

Её опыт здесь пока был полезен главным образом способом мышления.

Она умела расспрашивать пациентов.

Сопоставлять жалобы и исследования.

Замечать противоречия.

Но ничего не знала о десятках местных физиологических систем.

И ей это нравилось.

Не собственное невежество, конечно.

А возможность учиться.

Перед самым окончанием обхода их остановила молодая санитарка с корзиной свёрнутых простыней. Она неловко придерживала правое крыло: тонкий край перепонки всё время цеплялся за дверную ручку.

— Не болит, — поспешно сказала санитарка, заметив взгляд Тополевой. — Просто после смены не складывается как надо.

Саэрра уже собиралась направить её в отделение двигательных нарушений, но Елена Михайловна попросила показать, в какие моменты это происходит. Санитарка раскрыла крыло, подняла корзину, повернулась боком. При повороте ремень корзины давил на основание крыла, и перепонка на-

тягивалась под неправильным углом.

— А без корзины? — спросила Тополева.

Санитарка попробовала. Крыло сложилось свободно.

— У вас есть другие корзины? — уточнила Елена Михайловна.

— Есть. Но эти выдали по норме.

— По норме для кого?

Оказалось, норму утвердили для работников с двумя руками и без крыльев. В соседней кладовой нашли тележку с низкой ручкой. Санитарка прокатила её по коридору, осторожно сложила крылья и вдруг улыбнулась так широко, будто ей только что пересадили новый сустав.

— Так можно было?

— Судя по всему, — сказала Саэрра, — можно.

— И никакого сложного лечения? — уточнила санитарка.

— Пока только отмена неподходящей корзины, — ответила Тополева. — Иногда это сложнее лечения.

Она заметила, как Саэрра мысленно готовит служебную записку, и не стала мешать. В этой маленькой победе не было ничего невероятного. Просто впервые за день её земной опыт пригодился не для того, чтобы задавать вопросы, а чтобы кому-то стало легче.

— У вас в поликлиниках тоже лечат корзины? — поинтересовалась Саэрра, когда санитарка ушла.

— Чаще стулья, — сказала Елена Михайловна. — Корзины у нас пока не входят в перечень высокотехнологичной

помощи.

В конце дня Урхасс принёс предварительный ответ из службы межмировых связей.

— Ваше обращение принято к рассмотрению.

Елена Михайловна подняла голову.

— То есть я смогу написать дочери?

— После определения подходящего канала.

— Когда?

— Возможно, в ближайшие обороты.

Она вздохнула.

— Урхасс, давайте без «возможно».

Он помолчал.

— Я не могу обещать срок, который не зависит от моих полномочий.

Это был, пожалуй, самый честный ответ, который она услышала от него за всё время знакомства.

— Ладно. Спасибо.

Вечером она вернулась в свои комнаты.

Марта принесла ужин, приготовленный по новому согласованному рациону.

Елена Михайловна поела, посмотрела на телефон без связи и открыла учебник сравнительной физиологии.

За окном Свархъ постепенно темнел.

Внизу загорались огни, по галереям двигались сотрудники, над крышами пролетали крылатые жители.

Где-то далеко прозвучал низкий колокол.

Она подняла голову.

На секунду вспомнила бледные фигуры старых душ.

Потом посмотрела на раскрытую книгу.

На первой странице находилась схема кровообращения крылатого существа.

Тополева придвинула лампу.

— Ну что, — сказала она себе, — начнём с трёх сердец.

Глава четвёртая. Три сердца, две печени

К началу третьей стражи Елена Михайловна успела позавтракать, дважды поспорить с Урхассом и обнаружить, что в её новой медицинской форме совершенно негде держать ручку.

Точнее, карманы уже были, портниха добавила их накануне.

Но один оказался слишком узким, а другой располагался так, что при ходьбе блокнот постоянно задевал бедро.

Тополева попыталась приспособиться.

Потом позвала Марту.

Через десять минут портниха вновь появилась в апартаментах.

— Госпожа, — сказала она, внимательно рассматривая тунику, — мы уже изменили стандартный крой.

— Я заметила.

— И снова хотите?

— Немного.

Портниха вздохнула.

Четырьмя руками она одновременно расправила ткань, измерила расстояние до бокового шва, достала серебряную иглу и поправила воротник.

Елена Михайловна наблюдала с интересом.

— А вам удобно с четырьмя руками?

Портниха остановилась.

— Разумеется.

— Я имею в виду — все четыре одинаково сильные?

— Нет. Верхние предназначены преимущественно для точной работы, нижние — для удержания тяжёлых предметов.

Тополева немедленно достала блокнот.

Портниха закрыла глаза.

— Я только карман пришить пришла.

— Простите. Профессиональный интерес.

В диагностическом отделении Саэрра уже ждала.

Рядом с ней стояли двое молодых врачевателей.

Высокого звали Орвель. Он занимался функциональной диагностикой и изучал нарушения проводящей системы у крылатых.

Второй, Нехт, был специалистом по внутренним болезням.

С первого взгляда стало ясно, что появление человеческого врача в лечебнице он считал административной неприятностью.

— Госпожа Тополева, — сказал он, — мне сообщили, что вы обладаете значительным опытом диагностики.

— В отношении людей — да.

— Полагаю, ваши знания о строении других видов ограничены.

— Не просто ограничены. Практически отсутствуют.

Нехт растерялся.

Судя по выражению лица, он рассчитывал на возражения.

— Значит, сегодняшнее занятие будет для вас особенно полезно.

— Очень на это надеюсь.

Саэрра отвернулась.

Тополева заметила, как дрогнули уголки её рта.

Первым пациентом был пожилой крылатый демон по имени Вархен.

Он вошёл, опираясь на тонкую палку. Ростом был немного выше Елены Михайловны, с сутулой спиной и большими тёмно-красными крыльями.

Перепонки на них местами выглядели истончёнными.

На суставах выступали плотные светлые наросты.

Лицо Вархена выражало привычное недовольство человека, который давно смирился с необходимостью посещать врачей, но не собирался получать от этого удовольствие.

— Опять меня изучать будете? — спросил он.

— Плановое исследование, — ответила Саэрра.

— В прошлый раз тоже плановое было.

— Да.

— И до этого. У вас тут одни планы.

Он устроился в специальном кресле.

Спинка разделялась на несколько секций, позволяя расположить крылья так, чтобы они не мешали исследованию.

Орвель подкатил прибор.

Над грудью пациента возникло объёмное изображение.

Елена Михайловна придвинулась ближе.

Три крупных насосных органа сокращались в сложной последовательности.

Первый обеспечивал основной кровоток.

Второй обслуживал дыхательную систему.

Третий был связан с полётной мускулатурой.

— Можно замедлить? — попросила она.

Орвель коснулся панели.

— Ещё чуть-чуть.

Изображение стало медленнее.

Теперь было видно, как сокращения согласуются между собой.

— А при полёте третий контур усиливает работу?

— Да, — ответил Орвель.

— Насколько?

— При определённых условиях производительность возрастает почти втрое.

— А первый контур?

— Меняет режим, но значительно меньше.

Елена Михайловна задумалась.

Человеческое сердце тоже обладало сложными механизмами адаптации к нагрузке.

Но здесь разные функции распределялись между отдельными насосами.

Это открывало невероятные возможности.

И невероятное количество патологических состояний.

— А аритмии бывают?

Орвель расплылся в улыбке.

— О, разумеется!

По его тону сразу стало понятно, что он способен обсуждать нарушения ритма часами.

Саэрра вовремя остановила его.

— Орвель, мы исследуем конкретного пациента.

Вархен недовольно пошевелился.

— Вот именно. Может, сначала с моим сердцем разберётесь?

Выяснилось, что у Вархена имелись возрастные изменения проводящей системы второго контура.

Они не представляли непосредственной опасности, но сопровождались слабостью, особенно во время длительной ходьбы и попыток летать.

— Я вам говорил, что в молодости такого не было, — заметил пациент.

— В молодости у вас и возраст был другой, — ответила Саэрра.

— Очень содержательное объяснение.

Тополева посмотрела на него с симпатией.

— Вы давно перестали летать?

— Шесть циклов назад.

Она быстро прикинула: примерно пять с половиной зем-

ных лет.

— Совсем не летаете?

— Только если очень надо.

— А что мешает? Слабость? Одышка? Боль?

Он показал на верхнюю часть груди.

— Сначала всё нормально. Потом будто силы уходят.

— А при ходьбе?

— Бывает, но реже.

— Приступы начинаются сразу или после нагрузки?

— После. Иногда через несколько минут.

Тополева посмотрела на Саэрру.

— А исследование во время нагрузки проводили?

Нехт немедленно вмешался:

— Разумеется. Стандартный пробный подъём.

— Какой продолжительности?

— Двадцать долей.

— А симптомы у него возникают позже?

— Не всегда.

— А нагрузку увеличивали постепенно?

Нехт нахмурился.

— Исследование проведено по утверждённому протоколу.

— Я не спрашиваю, по какому протоколу. Я спрашиваю, как именно.

В комнате стало тихо.

Саэрра подняла руку.

— Госпожа Тополева, продолжайте сбор анамнеза.

Она повернулась к Вархену.

— Скажите, а какой полёт вы считаете обычным? Не пробный подъём, а когда действительно куда-то летите.

Старик оживился.

— Раньше каждый день летал на северные террасы. У брата там мастерская. Минут сорок, если ветер хороший.

— А сейчас?

— Экипаж нанимаю. Деньги на ветер.

— И хотите снова летать?

— Конечно. Для чего же мне крылья?

Елена Михайловна кивнула.

Этот ответ ей понравился.

— Тогда, возможно, нужно исследовать не способность подняться в воздух, а состояние во время нагрузки, которая вызывает ваши обычные жалобы.

Саэрра задумалась.

— При условии безопасности.

Она повернулась к Орвелю.

— Посмотрите, можем ли мы использовать поддерживающую платформу с постепенным увеличением нагрузки на полётную мускулатуру. Без отрыва пациента от поверхности.

Орвель кивнул.

Вархен посмотрел на всех подозрительно.

— Только не собирайтесь меня привязывать.

— Никто вас привязывать не будет, — ответила Саэрра.

— В прошлый раз привязывали.

— Для вашей безопасности.

— А мне не понравилось.

Тополева улыбнулась.

— Тогда сначала всё подробно объясним.

Старик посмотрел на неё.

— Вот это правильно.

После ухода Вархена Нехт долго молчал.

Потом повернулся к Тополевой.

— У нас существует стандартный порядок исследования больных с нарушениями межконтурной проводимости.

— Я поняла.

— Он разработан не случайно.

— Не сомневаюсь.

— И многократно проверен.

— Прекрасно.

Нехт нахмурился сильнее.

— Тогда почему вы предлагаете его изменить?

Нехт произнёс «протокол» тем тоном, каким на Земле обычно произносили «приказ главного врача». Елене Михайловне на секунду захотелось спросить, лечили ли они когда-нибудь сам протокол. Но перед ней лежала карта живого пациента, и желание поострить пришлось отложить.

— Я не предлагаю менять протокол. Я предлагаю выяснить, почему исследование не воспроизводит жалобы пациента. Возможно, причина вообще не в проводимости. Но по-

ка мы этого не знаем.

Орвель достал другую схему.

Через несколько минут они уже обсуждали нагрузочные нарушения кровообращения.

Нехт слушал.

Иногда вмешивался с уточнениями.

Саэрра наконец прервала их:

— У нас следующий пациент.

Вторую пациентку звали Риава.

Невысокая женщина с кожей цвета тёмной бронзы, большими янтарными глазами и двумя тонкими рогами.

Она вошла уверенно и сразу сообщила, что чувствует себя совершенно здоровой, несмотря на настойчивость родственников, потребовавших обследования.

— Они всё преувеличивают, — заявила Риава. — Стоит мне один раз прилечь после еды, начинается разговор о болезнях.

— А вы часто ложитесь после еды? — спросила Саэрра.

— Иногда.

— Каждый день?

— Ну, почти.

— Как давно?

— Не помню.

Тополева про себя отметила знакомую последовательность ответов.

Саэрра открыла медицинскую карту.

Жалобы на тяжесть в животе, слабость и непереносимость некоторых продуктов.

Риава легла на кушетку.

Над ней возникло объёмное изображение внутренних органов.

Елена Михайловна сразу заметила две крупные структуры, напоминавшие человеческую печень.

Две.

— Подождите. Это что?

— Печёночные органы, — ответила Саэрра.

— Оба?

— Да.

— И функции одинаковые?

— Не совсем.

Оказалось, что правая печень обеспечивала преимущественно переработку пищевых веществ, а левая участвовала в энергетическом обмене и обезвреживании некоторых соединений.

Между ними существовала сложная система перераспределения веществ.

Елена Михайловна смотрела на изображение с неподдельным восторгом.

— А если одна перестаёт работать?

— Зависит от того, какая.

— А регенерация?

— Достаточно высокая у обеих.

— А фиброз бывает?

— Да.

— А жировое перерождение?

— У отдельных видов.

— А…

Риава подняла руку.

— Простите, а можно узнать, что у меня? А то вы уже столько болезней перечислили, что мне становится нехорошо.

Елена Михайловна смутилась.

— Извините. Мы обсуждаем общие вопросы.

Саэрра продолжила исследование.

У Риавы выявили умеренное увеличение левой печени и признаки нарушения энергетического обмена.

В ходе расспроса выяснилось, что симптомы усиливаются после определённых жареных блюд.

— А зачем вы продолжаете их есть? — спросила Тополева.

Риава посмотрела на неё с искренним недоумением.

— Потому что люблю.

— Но вам от них плохо.

— Не всегда.

— А когда плохо?

— После того как съем.

Тополева несколько секунд молчала.

— А если не есть?

— Тогда хорошо.

— Может быть, попробовать не есть?

Риава посмотрела на неё с некоторым сожалением.

— Вы, люди, оказывается, суровые врачеватели.

Следующий пациент оказался настолько необычным, что Елена Михайловна поначалу решила, будто диагностический прибор неисправен.

Это было небольшое существо с тёмно-фиолетовой кожей, четырьмя короткими руками и узкими глазами.

Звали его Иштар.

Возраст — семьдесят два цикла.

Он жаловался на боли в правой половине тела, слабость и странное чувство, будто собственные движения совершаются с опозданием.

При осмотре Тополева заметила, что его тень на полу двигалась не совсем синхронно.

Сначала решила, что дело в освещении.

Затем Иштар поднял руку.

Тень повторила движение с небольшой задержкой.

Елена Михайловна замерла.

— Саэрра.

— Да?

— Это нормально?

— Нет.

Иштар тяжело вздохнул.

— Вот и я говорю, что ненормально.

Нехт объяснил, что у некоторых видов существует особая внешняя энергетическая структура, связанная с нервной системой.

В обычных условиях она не имеет заметного самостоятельного движения, но при определённом освещении может проявляться в виде тени.

— То есть это не просто отсутствие света? — спросила Тополева.

— Нет. У его вида тень представляет собой частично материальное отображение энергетического контура.

Она посмотрела на Иштара.

— А болит где?

Он показал на правую сторону туловища.

Тень на полу повторила движение с задержкой.

— А чувствительность?

Саэрра провела исследование.

Оказалось, что часть нервных импульсов действительно проходила с нарушением согласованности между обычной нервной системой и внешним контуром.

— А причина? — спросила Тополева.

Нехт открыл результаты исследований.

Они подозревали энергетического паразита, который закреплялся в теневом контуре и постепенно нарушал передачу импульсов.

— Его можно увидеть?

Орвель включил дополнительный режим диагностики.

Внутри полупрозрачного изображения появилась тонкая тёмная нить.

Она медленно двигалась вдоль внешней энергетической структуры.

Елена Михайловна почувствовала сильное желание рассмотреть её ближе.

— А лечить как?

— Специальным полем, — ответила Саэрра. — Но сначала нужно убедиться, что это именно паразит, а не врождённая аномалия.

Тополева кивнула.

Это было разумно.

Она посмотрела на Иштара.

Тот выглядел усталым и раздражённым.

— А раньше подобное было?

— Никогда.

— После чего началось?

— После поездки в нижние сады.

Саэрра подняла голову.

— В какие именно?

Иштар назвал район.

Нехт сделал пометку.

Выяснилось, что там недавно проводили восстановление старых переходов.

— А другие заболевшие есть? — спросила Тополева.

Саэрра посмотрела на неё.

— Пока не знаю.

— Стоит выяснить.

Нехт кивнул.

На этот раз без спора.

После обследования Иштара они долго обсуждали особенности внешних энергетических структур.

Елена Михайловна задавала вопросы о нервной проводимости, чувствительности, болевых синдромах и восстановлении тканей.

Постепенно она поняла, что местная медицина изучает не только необычные органы.

Здесь существовали целые физиологические системы, не имевшие земных аналогов.

И каждая обладала собственными заболеваниями.

Саэрра показала ей несколько учебных схем.

У одних видов часть нервной системы располагалась вне головного мозга.

У других существовали временные резервные органы.

Некоторые могли на ограниченный период уменьшать потребность тканей в кислороде.

Другие были способны сохранять сознание при частичной утрате материального воплощения.

Последнее особенно заинтересовало Тополеву.

— А где тогда находится сознание?

Орвель задумался.

— Это предмет серьёзных научных споров.

— Исследования есть?

— Конечно.

— Можно посмотреть?

Саэрра закрыла учебную схему.

— Позже.

— Но…

— У нас ещё пациенты.

Елена Михайловна нехотя убрала блокнот.

К концу третьей стражи у неё было заполнено двенадцать страниц.

Она чувствовала себя одновременно уставшей и совершенно счастливой.

Не в смысле положения, конечно.

Домой по-прежнему хотелось.

Дочь по-прежнему не отвечала, потому что связь с Землёй отсутствовала.

Но впервые за много лет Елена Михайловна провела целый день, занимаясь только медициной.

Без планов посещаемости.

Без необходимости закрывать карты.

Без требований срочно предоставить сведения для очередного отчёта.

Во всяком случае, пока.

Она ещё не знала, насколько преждевременным окажется последнее наблюдение.

Перед окончанием стражи Саэрра пригласила её в комна-

ту отдыха.

Там стоял большой стол, несколько кресел и прибор, из которого доносилось тихое бульканье.

Над ним поднимался ароматный пар.

Елена Михайловна принюхалась.

— Это кофе?

— Морхва, — ответила Саэрра.

— Пахнет кофе.

— Вы уже говорили.

— А пить мне можно?

— Лаборатория ещё не завершила исследование.

Тополева с сожалением посмотрела на прибор.

Орвель налил себе большую чашку тёмного напитка.

Она проводила её взглядом.

Саэрра заметила.

— Вы очень любите этот ваш кофе?

— Очень.

— Почему?

Елена Михайловна задумалась.

— Потому что иногда это единственное, что позволяет утром разговаривать с людьми.

Орвель немедленно достал пластину.

— Интересное лечебное показание.

— Только не записывайте, — сказала Саэрра.

Вечером Урхасс принёс первые сведения по межмировой связи.

Служба внешних сообщений подтвердила, что краткое уведомление в человеческий мир теоретически возможно.

Но необходимо установить адресата, проверить канал и согласовать текст.

Елена Михайловна немедленно достала телефон.

— Давайте адрес.

Урхасс показал служебную пластину.

Она начала объяснять, как устроены телефонные номера и электронная переписка.

Через двадцать минут они оба выглядели уставшими.

— Госпожа Тополева, — сказал Урхасс, — ваша система связи чрезвычайно сложна.

— Наша?!

Она посмотрела на свиток с договором, лежавший рядом.

— Урхасс, у вас для отправки сообщения нужно разрешение трёх ведомств.

— Четырёх, — поправил он.

Тополева закрыла глаза.

— Простите. Недооценила.

Поздним вечером она вернулась в апартаменты.

Марта принесла ужин.

За окном медленно темнело багровое небо.

Где-то далеко прошёл третий колокол.

Елена Михайловна открыла блокнот.

На одной странице находились записи о трёхсердечном кровообращении.

На другой — о двух печенях.

На третьей — о заболевании теневого контура.

Она посмотрела на последнюю.

На Земле подобный случай сочли бы невероятным.

Здесь он был вполне реальным заболеванием, которое специалисты изучали, диагностировали и пытались лечить.

Тополева почувствовала знакомый профессиональный азарт.

Всё это было невероятно интересно.

И вместе с тем она понимала: если даже обычная медицина Верхнего Хвата настолько отличается от земной, то сколько ещё неизвестного скрывается в огромном городе за стенами лечебницы?

Она закрыла блокнот.

Завтра предстоял новый день.

И, судя по всему, скучным он не будет.

Глава пятая. Особенности национального врачевания

К утру Елена Михайловна обнаружила, что её организм совершенно не интересуется достижениями сравнительной медицины, когда ему не дают выспаться.

Голова была тяжёлой, глаза слипались, а в шее появилось неприятное напряжение, хорошо знакомое по временам подготовки к экзаменам.

Тогда ей было двадцать.

Теперь — сорок три.

Организм считал подобный образ жизни издевательством.

Она посмотрела на часы.

До начала третьей стражи оставалось сорок минут.

Елена Михайловна встала, прошла в ванную и остановилась перед зеркалом.

Выглядела не особенно хорошо.

Местная вода, прошедшая через адаптационный контур, прекрасно подходила для душа. Волосы после неё становились мягкими, кожа не сохла.

Но никакие технологические достижения не могли заменить полноценный сон.

Она взяла «Зубоцвет».

Паста по-прежнему вызывала почти детский интерес.

За несколько дней Тополева успела проверить, как она меняет цвет при разной продолжительности чистки, и задумалась, можно ли использовать её в качестве индикатора качества гигиены.

При этом оставался вопрос, насколько точно разноцветное свечение соответствовало наличию зубного налёта, а не другим свойствам эмали.

Она уже собиралась записать очередное наблюдение, но посмотрела на часы.

Экспериментальную стоматологию пришлось отложить.

В диагностическом отделении было необычно тихо.

Возле малой смотровой стоял Орвель.

— Доброй третьей стражи, Елена Михайловна.

Он произнёс её имя с заметным усилием, но без ошибки.

— Доброе утро. Что случилось?

— Поступил пациент, которого госпожа Саэрра хотела вам показать.

— Что с ним?

Орвель помедлил.

— Пока выясняем.

Он открыл дверь.

На кушетке лежал молодой крылатый демон с тёмно-серой кожей, почти чёрными волосами и узкими крыльями, сложенными по обе стороны тела.

Лицо было худым, скулы резко выступали. Под глазами залегли тёмные тени.

Возле кушетки стояла Саэрра.

— Знакомьтесь. Лаэр. Двадцать четыре цикла. Работает в службе обслуживания городских осветительных линий.

Тополева быстро прикинула возраст.

Примерно двадцать два земных года.

— Здравствуйте, Лаэр.

Молодой демон повернул голову.

— Вы человек?

— Да.

Он слабо улыбнулся.

— Мне сказали, к нам пригласили врача из другого мира.

— Пригласили — слишком громко сказано.

Саэрра бросила на неё взгляд.

Тополева поправилась:

— Я пока изучаю вашу медицину. Если вы не против, буду присутствовать на осмотре.

— Не против.

Она села рядом.

— Что вас беспокоит?

— Сил нет.

— Как давно?

— Оборотов тридцать. Может, больше.

Около месяца.

— Началось внезапно?

— Нет. Сначала просто уставал после работы. Потом стал хуже летать. Теперь иногда даже по лестнице тяжело подни-

маться.

— Температура повышалась?

Саэрра пояснила, что у представителей его вида существуют собственные температурные нормы, но выраженных отклонений не было.

— Аппетит?

— Плохой.

— Вес изменился?

— Похудел.

— Насколько?

— Не знаю.

— Одежда свободнее стала?

Лаэр кивнул.

— Ремень на две застёжки переставил.

Тополева записала.

Она уточнила характер нагрузки, питание, сон, боли в мышцах и суставах.

Лаэр обслуживал осветительные линии на высоких городских переходах.

Раньше работа не вызывала трудностей.

Теперь полёт быстро истощал силы.

— Коллеги здоровы? — спросила она.

Он задумался.

— Один недавно уволился. Говорил, что устал.

— А остальные?

— Некоторые тоже жалуются. Но у нас работа тяжёлая.

Тополева подняла глаза.

Саэрра едва заметно кивнула.

— Лечение уже проводили?

— Да. Восстановительные процедуры.

— Помогли?

— Сначала стало лучше. На следующий день даже летал. Потом опять.

— Через сколько?

— Через два оборота.

Саэрра открыла медицинскую карту.

После процедур показатели общего энергетического запаса действительно нормализовались.

Но устойчивого улучшения не было.

Елена Михайловна посмотрела на результаты.

Отклонения выглядели сравнительно небольшими.

А пациент был явно болен.

— Почему вы считаете, что причина именно в недостатке энергии? — спросила она.

— Это наиболее распространённое объяснение, — ответила Саэрра.

— Но показатели улучшаются, а состояние почти нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.